

Визит «Полярного Лиса»

Автор:

Юлия Михайловский

Визит «Полярного Лиса»

Александр Борисович Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

С Галактической войны на Великую Отечественную. Сталинский СССР как предтеча Советской Галактической Империи С момента основания Русской Галактической Империи, минул 221 год. Разведывательно-ударный крейсер "Полярный Лис" уходит в рейд, чтобы найти и уничтожить важный объект врага. И вот, уже после выполнения миссии в момент прыжка рядом с крейсером разрывается гравитонная торпеда. В результате искажений подпространственного канала он выныривает не на своей исторической ветке и не в своем времени. На календаре 1941 год НЭ После некоторой паузы крейсер устремляется к Земле для того чтобы уже в этой ветви истории выполнить Главную Директиву.

Пролог

Итак, минуло двести стандартных (земных) лет с тех пор, как император Шевцов (он же Владимир Первый, он же Владимир Великий, он же Владимир Основатель) прибыл на могучем линкоре «Несокрушимый» в систему звезды За-о-Дешт, чтобы провозгласить основание Русской Галактической империи, на алом знамени которой под золотым двуглавым орлом были начертаны бессмертные слова одного древнего русского императора: «Хочешь быть русским? Будь им!». С тех пор в Галактике многое изменилось. Самое главное – возникло странное, с точки зрения цивилизации Кланов эйджел, образование, в

котором в один нераздельный клубок сплелись: русские колонисты, набранные Шевцовым на Старой Земле, темные, серые и светлые эйджел, а также расселенные самими эйджел по планетам Галактики хумансы всех сортов и разновидностей. Кого там только не было: франконцы, англики, склавены (они же венеды), хуннцы, ромэ, спарты, аттики, амонцы, ханаанцы, лейанцы, тарданцы...

При этом звезду За-о-Дешт как то незаметно стали называть Ярилой, а четвертую планету в ее системе – Новой Русью, или просто Новороссией. От названия Новый Рим, предложенного Кандидом, император Шевцов и императрица Виктория отказались категорически. Какой может быть Рим, когда наша империя русская, пусть даже и галактическая? Потому город, основанный императором в устье большой реки неподалеку от владений бывшего клана «Дикого Ветра», назвали Новым Петербургом, а ту реку – Великой Невой. Новый Петербург, благодаря построенному в его окрестностях крупному космопорту и сети наземных и морских коммуникаций, связавших его с другими регионами планеты, очень быстро (лет за тридцать) разросся в огромный мегаполис, эпицентр промышленной и экономической активности.

При этом император Шевцов не стал отбивать у кланов эйджел планеты хумансов у контролирующих их кланов эйджел и устанавливать над ними прямой контроль Империи. Да и зачем? И без того поток воинов, желающих поступить на службу к предводителю самого многочисленного и мощного галактического клана, превышал все мыслимые потребности Империи, а количество пейза и пеонов, желающих, переселиться на Небеса, под руку доброго и могущественного господина, раз в ...надцать превосходило число воинов желающих поступить на службу.

При этом местным кланам светлых эйджел, контролирующим планеты хумансов, пресекать деятельность эмиссаров Империи было банально нечем, потому что воинствующие кланы просто отказывались заключать контракты на защиту их собственности. Одно-единственное появление «Несокрушимого» могло обратить в прах даже самый сильный воинствующий клан. Поэтому матроны пострадавших кланов, скрипя зубами, прибегли к прямым переговорам с представителями Шевцова и получили от них предложение самим стать агентами Империи, получая долю за каждого завербованного воина или пейзаина. Надо сказать, что от этого предложения почти никто из матрон ее отказался, в результате чего формально независимые кланы стали экономически и политически зависеть от Империи, лишь время от времени делая реверансы в

сторону Совета Кланов. Исключение сделали только для Склавии, населенной родственными русским потомками славян, и для Франконии. С многочисленными королями, герцогами и князьями Шевцов предпочел работать напрямую, минуя посредничество светлых эйджел. А все благодаря бывшему барону (а впоследствии имперскому графу де Турневиллю), который после своего неожиданного взлета проявил немалые таланты на ниве имперской дипломатии.

Параллельно с процессом заселения иммигрантами-хумансами почти пустой (по человеческим меркам) Новороссии шел процесс примучивания – или правильнее сказать, интеграции – обитающих там кланов светлых эйджел. Военную силу император при этом чаще демонстрировал, чем применял, а полному разгрому противника предпочитал почетную капитуляцию. Конечно, поначалу структура Империи выглядела довольно мозаичной и рыхлой, но в условия почетной капитуляции входило обязательное всеобщее образование по имперским стандартам. Всеобщее и обязательное – это значит всеобщее и обязательное; за парты и гипнопедические аппараты в особых учебных центрах закрытого типа (интернатах) сели даже детеныши сибх и горхов, не говоря уже о детях хумансов и эйджел. Впрочем, и для взрослых иммигрантов существовали курсы ликбеза (для воинов обязательные). А образование – это еще и воспитание. Империи требовались образованные и лояльные граждане, а не огромное количество тупых пеонов, которым все равно, кто станет их господином.

При этом взрослые эйджел, вне зависимости от возраста, в обязательном порядке обучались по месту своего жительства. Для них это было не столько обучение (взрослые же все люди, каждая со своей специальностью), сколько перевоспитание. Серые (которые еще недавно были ничем), надев синие комбинезоны техслужбы, ударились в истины, которые проповедовала Империя с пылкостью религиозных неофитов. Их не требовалось перевоспитывать – наоборот, Империя стала тем единственным кланом, который принял их в свое лоно и ее истины они впитывали с радостью и с восторгом. Темные эйджел воспринимали Империю значительно прохладней, но их положение при новых порядках почти не изменилось – они по-прежнему летали среди звезд в своих кораблях, только теперь каждый корабль больше не был сам за себя, а находился под защитой Империи. Кроме того, они давали Империи клятву, а для темных эйджел любая клятва свята. Одним словом, лояльность темных тоже не подвергалась сомнению, только в ней не было такого пылко-горячего идеала, как у их серых сестер. Хуже всего дела обстояли со светлыми, многие из которых были недовольны изменением своего положения. Тест на лояльность браковал около половины взрослых светлых эйджел, прошедших курс обучения, и только у молодняка этот показатель не превышал статистической

погрешности.

Первые десять-двадцать лет существования Империи приходилось тяжело – все было сшито на живую нитку, она держалась только на мощи «Несокрушимого», на фанатизме серых эйджел, преданности клятве темных и на харизме ее Основателей – императора Шевцова и императрицы Виктории. Но вот учебные центры начали выдавать на-гора первые партии молодых хумансов и эйджел, прошедших полный курс обучения и успешно сдавших тесты на лояльность и профориентацию. Они были русскими по всему, кроме крови, но в Империи кровь вообще не принималась в расчет, самое главное – Дух. Хумансы всех разновидностей размножаются быстро (особенно когда государство берет на себя заботу о материальном и духовном благополучии подрастающего поколения), поэтому с каждым все более многочисленным выпуском учебных центров Империя становилась крепче и монолитнее, тем более что поток переселенцев с планет хумансов на земли Новороссии рос с каждым годом. Правда, еще быстрее росла рождаемость хумансов, и к семнадцатому году Империи она уже превысила миграционный прирост, а к двадцать пятому году общее население Новороссии уже составляло больше ста пятидесяти миллионов, из которых девяносто процентов являлись хумансами, а семьдесят процентов – детьми и молодежью до восемнадцати лет.

Первые пятьдесят лет (или около того) Совет Кланов эйджел просто игнорировал события, происходящие где-то на периферии цивилизации эйджел, тем более что «Несокрушимый» был грозен – и на седьмом году существования Империи буквально играючи отбил набег консорциума Воинствующих кланов, взявшего подряд на очистку системы За-о-Дешт от захвативших ее хумансов. Темные эйджел, выжившие в том сражении, как обычно, признали свое поражение и принесли Империи клятву верности, в результате ее сила не уменьшилась, а даже возросла; и после этого Совет Кланов внес За-о-Дешт в список систем, запретных для посещения кораблями эйджел, чем, казалось бы, закрыл этот вопрос навсегда. Только вот матронам мелких кланов темных эйджел (пиратство, шпионаж, контрабанда) – как имперским, так и вольным – все запреты подобного рода были до глубокого космоса, тем более что физически заблокировать систему, в которой обитает корабль-монстр, не представлялось возможным.

И так продолжалось ровно до того момента, пока архаровцы Шевцова не организовали угон орбитальной верфи из одной соседней промышленной системы, совмещенный со всеобщим восстанием работавших там серых эйджел.

Тихие-то они, эти серые, тихие, но иммобилизовать все оборонительные системы и без боя впустить имперские штурмовые группы им было вполне по силам. Тем более что им оказывал (или оказывала) поддержку мозг верфи – тоже серая эйджел. Потом подошел «Несокрушимый», зацепил верфь силовыми захватами (мощности хватило в аккурат) и короткими прыжками потащил на выход из системы. Вот эта операция была уже вполне серьезной заявкой на беспокойство Совета Кланов; но пока Старшие Матроны эйджел почесывались, еще из одной ближней к За-о-Дешт системы по той же схеме была угнана база астероидных шахтеров вместе со всем персоналом – сибхами, горхами, серыми эйджел и небольшим управляющим кланом темных.

В результате после четверти века дипломатических переговоров, больше похожих на базарную торговлю, из нескольких локальных военно-политических союзов возникла Конфедерация Кланов, которая должна была противостоять внезапно появившейся Империи хумансов. Во многом эйджел копировали структуры своего противника, но во многом они не могли переступить через свою сущность, поэтому объединенное командование у них оказалось коллегиальным, что снижало скорость и точность реакции на действие имперского флота и десантно-штурмовых соединений. Да и война эта оказалась вялотекущей, без ясно выраженного противостояния и особого ожесточения. Эйджел, а особенно их матроны, прекрасно знали, что имперцы всегда щадят побежденных, а потому предпочитали почетную капитуляцию сражению до последней капли крови. То ли дело было в мире неоримлян, откуда происходили «Несокрушимый» и искин Кандид. Там первый император Феликс Максимус сразу же устроил беспощадную резню побежденных, в стиле Кортеса или Писарро, так что ответа (в виде полной консолидации кланов и крайне ожесточенного сопротивления) не понадобилось ждать семьдесят лет.

Но со временем внутри Конфедерации возник так называемый Альянс Непримиримых. Этот тесный военно-политический союз состоял из особо крупных и сильных кланов как светлых так и темных, которые базировались в ближайших окрестностях того места, откуда началась цивилизация эйджел. Их Матроны так часто повторяли, что в них силен дух Древних, что, кажется, сами поверили в эту мантру и в свою особость и исключительность даже среди эйджел. Например, именно Непримиримые прославились попыткой полного геноцида на Тардане, что вызвало первое в истории Галактики ожесточенное космическое сражение с выброской на поверхность планеты полнокровного гвардейского десантно-штурмового корпуса. Случилось это уже через пару десятков лет после того, как император Шевцов и императрица Виктория оставили власть (112 лет императору и 96 лет императрице, пора бы и на покой),

уступив ее своему праправнуку Владимиру Второму, у которого Профориентация выявила качества, необходимые любому хорошему императору. Если Владимир Первый вошел в Историю как Владимир Основатель, то Владимир Второй стал Владимиром Завоевателем. Под его руководством ВКФ империи сокрушил оборону нескольких планет, принадлежавших Непримирым и резко расширил сферу влияния за счет включения в состав Империи всех планет, населенных хумансами (ради их защиты от геноцида) и присоединения множества умеренных кланов, вынужденных выбирать между Империей и Альянсом, провозгласившим политику «кто не с нами, тот против нас.»

И вот с момента Основания прошел двести двадцать один год. На том месте на холме, куда когда-то впервые раз опустился шаттл императорской четы, в небо взметнулся пятидесятиметровый памятник Первому Императору и Первой Императрице из полированного титана (прототипом которому послужил памятник «Рабочий и колхозница»). Русская Галактическая Империя раскинулась на восемнадцати хорошо защищенных планетах с населением в тридцать миллиардов человек и, несмотря на сопротивление Непримирых, продолжает неуклонно увеличивать как свою территорию, так и население. Одним словом, первая Галактическая война находится в самом разгаре и боевые действия на просторах Галактики не затихают ни на мгновение. Где-то в ожесточенных стычках сталкиваются патрульные корветы, где-то дальние рейдеры уходят в поход туда, где не ступала нога честного имперца, чтобы отыскать и уничтожить стратегические объекты врага. Вечная им слава и такая же память! Где-то имперские десантно-штурмовые группы берут приступом гнезда непримирых эйджел, не щадя никого, кто способен носить оружие, где-то планетарная оборона отбивает атаки вражеских налетчиков, а где-то идут тайные переговоры эмиссаров империи и матрон кланов, решивших прекратить сопротивление. Одним словом, идет нормальная война без правил, в которой должно решиться, кто будет править Галактикой – Империя или Непримирые.

Справка

Варвары-хумансы, расселенные эйджел по планетам

Франкония – 1000-1500 от РХ. Базовые нации: анголо-саксы, французы и немцы. Общественный строй – поздний западноевропейский феодализм. Внешность – европейская.

Склавения 500-1000 от РХ. Базовые нации: славяне-венеды и кочевники-хунну. Общественный строй – ранний восточноевропейский феодализм и кочевые сообщества. Внешность – европейская и монголоидная

Латия 500 до РХ – 500 от РХ. Базовые нации: греко-римляне. Общественный строй – железный век, рабовладельческое общество. Внешность – средиземноморская

Амон 1500-1000 до РХ. Базовые нации: египтяне, эфиопы, ливийцы. Общественный строй – бронзовый век, оседлая культура, теократический социализм. Внешность – средиземноморская, эфиопская и европейская.

Ханаан 2000-1500 до РХ. Базовые нации: древние семиты, хетты и ахейцы. Общественный строй – бронзовый век, кочевые сообщества и оседлые культуры. Внешность – средиземноморская и европейская

Лея 2500-2000 до РХ. Базовые нации: древние китайцы и протохунну. Общественный строй – бронзовый век, оседлые и кочевые культуры, монголоиды манчжурского и восточноазиатского типа

Тардан 3000-2500 до РХ. Базовые нации: протоарии Общественный строй – бронзовый век, кочевые сообщества. Внешность – европейская.

НАЧАЛО

145 день 221 года Империи. Система Акило-за, примерно 1.500 световых лет от За-о-Дешт (Новороссии) вглубь галактического рукава Стрельца.

Акило-за – чрезвычайно плотная и богатая тяжелыми металлами вторая планета в системе холодного красного карлика. При диаметре, чуть большем, чем

диаметр Марса, тяготение на этой планете на пять процентов больше земного, а это говорит о том, что она чрезвычайно богата тяжелыми металлами, что благоприятно для развития промышленности. С другой стороны, жить в свое удовольствие на Акило-за невозможно. Температуры там примерно как на Марсе, и даже на экваторе в приповерхностных слоях атмосферы показания термометра колеблются от плюс пятнадцати градусов Цельсия днем до минус восьмидесяти пяти ночью. Вдобавок ко всем этим удовольствиям, на планете постоянно дуют ураганные ветры, вызванные тем, что основная составляющая атмосферы – углекислый газ – возгоняется на освещенной стороне планеты и замораживается на теневой.

И вот давным-давно, когда на Земле первобытные люди с дубинами еще бегали за мамонтами, в этот мир-ад пришел клан темных эйджел (позже примкнувший к Непримирым) и точно на экваторе основал сверхглубокий рудник, космическим лифтом* соединенный с висящей над этим местом орбитальной верфью. Потом в окрестностях лифта дополнительно заложили еще рудники, соединенные с космическим лифтом высокопроизводительными транспортерами. А с началом Галактической войны весь этот комплекс, как особо важный объект (в основном орбитальная верфь), обрел защиту в виде четырех боевых орбитальных крепостей, гарантирующих испепеление любого вражеского корабля, рискнувшего приблизиться на основную дистанцию боя или атаковать планетарный горнорудный комплекс. Помимо крепостей, в качестве мобильного резерва верфь охраняли два крейсера, шесть ракетных фрегатов и две дюжины патрульных корветов, оснащенных системой локальной маскировки и вооруженных, помимо прочего, парой тяжелых гравитонных торпед, в момент подрыва боевой части на долю секунды иницирующих в пространстве образование локальной сферы Шварцшильда. Не стоит забывать, что всеми этими кораблями управляли темные эйджел – лучшие пилоты, тактики и навигаторы в Галактике.

Техническая справка: * Космический лифт – концепция гипотетического инженерного сооружения для безракетного запуска грузов в космос. Данная конструкция основана на применении троса, протянутого от поверхности планеты к орбитальной станции, находящейся на геостационарной орбите (ГСО).

Трос удерживается одним концом на поверхности планеты (Земли), а другим – в неподвижной относительно планеты точке выше ГСО за счёт центробежной силы. По тросу поднимается подъёмник, несущий полезный груз. При подъёме груз будет ускоряться за счёт вращения Земли, что позволит на достаточно

большой высоте отправлять его за пределы тяготения Земли.

Именно этот промышленный комплекс и разыскивал в последнее время с помощью своих детекторов имперский универсальный разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис» с целью обратить его в радиоактивный прах и выбить из рук Непримиримых еще одно оружие. В принципе, для решения таких задач широкого профиля разведывательно-ударные крейсера типа «Гончий Пес», к которым относился «Полярный Лис», и предназначаются. Пойди туда не знаю куда, найди то не знаю что, и уничтожь это «не знаю что» так, чтобы врагу пришлось воссоздавать его из распыленных атомов.

Именно для таких фатальных задач – чтоб все в труху – крейсера этого типа, помимо системы маскировки и систем разведки и обнаружения повышенной точности, несут на себе тридцать две ракетных шахты (наследие эскадренных ракетных крейсеров типа «Великий Сталинград», у которых таких шахт шестьдесят четыре). При этом в каждой ракетной шахте размещен барабан на четыре транспортно-пусковых контейнера, оснащенных либо ракетами типа корабль-корабль, либо ракетами типа корабль-поверхность, каждая из которых снаряжена двухмегатонными моноблочными плазменными боеголовками, или же шестью разделяющимися боевыми частями индивидуального наведения мощностью по триста килотонн.

Для нанесения точечных ударов, когда не надо превращать цели в радиоактивную пустыню, в ангарах «Гончих псов» размещается авиагруппа в составе трех десятков истребителей сопровождения и десятка тяжелых штурмовиков. Для проведения штурмовых операций на большом удалении от линии соприкосновения там же имеются три тяжелых ротных штурмовых шаттла, каждый из которых укомплектован ротой штурмовой пехоты, а вместе это получается отдельный десантно-штурмовой батальон. Кроме трех тяжелых шаттлов, в ангарах имеются пять легких, рассчитанных на легковооруженный взвод – они предназначены для доставки на поверхность планет роты разведчиков-егерей (эскадренные ракетные крейсера типа «Великий Сталинград» несут на борту всего по десять истребителей и два легких шаттла). Вот так – уходя в боевой поход, никто в команде заранее не знает, с чем придется столкнуться в дальнем поиске и какие задачи придется решать.

Вот и на этот раз «Полярный Лис» вынырнул на некотором отдалении от цели (достаточном, чтобы не встревожить системы обнаружения орбитальных крепостей). Получив данные сканирования окружающего пространства, главный

тактик крейсера, капитан второго ранга, темная эйджел-полукровка Ватила Бе торжествующе хмыкнула. Объект, который они так долго разыскивали, был наконец-то обнаружен – и, как всегда, весьма далеко от того места, где его предполагали оракулы из разведки. Теперь будет кое-кому повод оплакать утраченное и разрушенное, потому что «Полярный Лис», разумеется, не оставит от всей этой халабуды и камня на камне.

Конечно, четыре орбитальные крепости и небольшой флот, дежурящий в окрестностях – это слегка многовато для дальнего и скоростного, но весьма посредственно защищенного разведывательно-ударного крейсера, но темные эйджел, способности которых Ватила получила со стороны матери Великой Зейнал, тем и отличаются, что никогда не открывают двери ударом медного лба. Особенно, если учесть, что ее отец был хуманс не из последних и тоже подбросил ей талантов, превративших Ватилу в одного из лучших тактиков Империи. Не каждый раз гибридизация проходит так успешно – иногда даже у отличной пары родителей получается такое, что глаза бы на него не глядели. Но Ватиле обижаться было не на что, родители наградили ее долголетием и вечной молодостью эйджел, а также интуитивными способностями к тактике от матери, при этом хуманс-отец наделил ее по-человечески пышной фигурой (в отличие от плоских чистокровных эйджел), а также широким и детальным воображением, которого обычно лишены обычные темные эйджел.

После коротких размышлений у Ватилы созрел план, дающий полную гарантию поражения объекта и семьдесят процентов вероятности благополучного отхода от цели. При этом она ни на секунду не усомнилась в том, что делает, несмотря на то, что на той стороне были подобные эйджел, только без примеси крови хумансов, и ее успех означал их гибель. Но для темных эйджел из всех остальных представителей этого вида хоть что-то значат только члены ее клана, а своим кланом Ватила Бе считала Империю. Русскую Империю. Что же касается других темных эйджел, не являющихся гражданками Империи, а особенно оказывающих ей активное сопротивление, то по их поводу Ватила испытывала сожаление, смешанное с презрением. А то как же... Ведь эти дурочки с отчаянием обреченных сопротивляются неизбежному – вместо того, чтобы подобно ей стать частью запредельной мощи Империи.

Предварительно Ватила обсудила свой замысел с корабельным искином Ипатием, который, как и все прочие искины, прекрасно обсчитывал варианты развития событий, при этом отличаясь полным отсутствием творческих способностей, в том числе и воображения, так необходимого тактику. Когда

расчеты Ипатия подтвердили, что задуманное вполне возможно, Ватила наконец приняла окончательное решение и связалась с командиром «Полярного Лиса» – капитаном первого ранга Василием Малининым. В этого высокого худощавого хуманса с коротко стриженной седой головой, чистокровного новоросса, члена одной из Первых Семей, прибывшей на Новороссию прямо со Старой Земли, была тайно влюблена вся женская часть команды «Полярного Лиса», и главный тактик не была исключением. Втайне она мечтала, чтобы ее следующая дочь, уже восьмая по счету, была бы рождена именно от этого хуманса. И хоть в обычаях эйджел делать такие вещи с помощью пробирок и пипеток, но и обычный для хумансов способ тоже был бы неплох.

– Почитаемый командир, – с придыханием грудным голосом произнесла Ватила, переключив селектор, – докладывает главный тактик Ватила Бе. Искомый нами объект обнаружен на поверхности второй планеты и идентифицирован с вероятностью сто процентов. Это не только горнорудный и металлургический комплекс, как следовало из данных разведки, но еще и скрепленная с ним космическим лифтом орбитальная верфь с возможностью постройки кораблей любых классов, без ограничения по тоннажу. Но должна предупредить, что этот комплекс хорошо охраняется. К настоящему моменту наши сканеры уже успели засечь четыре орбитальные крепости и до десятка вымпелов противника первого и второго рангов. Если мы пойдем в лоб, то не успеем даже выпустить ракеты, не говоря уже о возможности благополучного отхода...

– Вот дерьмо! – выругался командир, посмотрев появившиеся на экране данные сканирования, – да тут нужна дивизия ракетных крейсеров и пара линкоров в прикрытии, а не наш «Лис»...

– Почитаемый командир, – скромно опустила глаза Ватила, машинально накручивая на тонкий темно-серый палец длинный рыжий локон, – у меня есть план, как нам победить и при этом остаться в живых. Ипатий уже дал свое заключение о том, что план хоть и очень дерзкий, но выполнимый.

Губы капитана первого ранга исказила немного саркастическая улыбка.

– Очень хорошо, товарищ Ватила, – с оттенком иронии произнес он, – я готов вас выслушать, но только в наиболее кратком варианте...

Но по мере того как она говорила, сарказм и ирония сменялись на его лице мрачной уверенностью в неминуемой победе.

– ... таким образом, – завершила Ватила изложение своего плана, – к тому времени, как они только начнут свой разгон, мы уже на полной скорости будем приближаться к точке, где будет возможен обратный прыжок – и задание к этому моменту уже будет выполнено.

– Пожалуй, товарищ Ватила, – сказал командир, – ты просто молодец. Если все удастся, то крути дырку для ордена, уж это я тебе гарантирую.

– Служу Империи! – откликнулась Ватила и отключилась. До начала атаки, у нее было еще очень много дел.

Несколько часов спустя. Там же, система Акило-за.

Из своего последнего микропрыжка «Полярный Лис» вынырнул в пятидесяти тысячах километрах от планеты, имея относительно нее скорость в пятьдесят километров в секунду и вектор, нацеленный на прохождение у самой границы планетарной атмосферы над противоположным от горнорудного комплекса полушарием. Вся команда крейсера находилась на своих боевых постах в состоянии полной готовности. Командовали «парадом»: главный навигатор – капитан второго ранга латинка Ванесса Олина, уже знакомый нам главный тактик – капитан второго ранга темная эйджел-полукровка Ватила Бе, и главный артиллерист крейсера – капитан третьего ранга, молодой новоросс Максим Сергейцев. Командир «Полярного Лиса» восседал над этим триумвиратом в позе безучастного фараона; его очередь вмешаться настанет только тогда, когда что-то пойдет не по плану, а пока эти трое разыгрывали свою партию как по нотам.

После завершения прыжка детекторы орбитальных крепостей и крейсеров темных эйджел обнаружили, что стремительно ворвавшийся в систему налетчик империи хумансов интенсивно тормозит с предполагаемым расчетом перехода на круговую орбиту над обратной стороной планеты. Исходя из полученных данных, тактики темных эйджел сделали вывод, что с вероятностью больше восьмидесяти пяти процентов налетчик хумансов собирается атаковать комплекс с низкой круговой орбиты, а пятнадцать процентов приходилось на то, что этот пролет является простым прощупыванием системы обороны

промышленного комплекса. В соответствии с этим выводом и были отданы соответствующие приказы. С некоторой ленцой, полагая, что время еще есть, крейсера и фрегаты темных эйджел принялись сходить с геостационарной орбиты. Стремительно снижаясь, они направились на перехват крейсера-налетчика, который в течение короткого времени должен был выскочить им навстречу из-за края планетарного диска.

Но замысел Ватилы Бе заключался отнюдь не в атаке по низкой орбите. Такую тактику, приди она ей в голову, главный тактик «Полярного Лиса» презрительно назвала бы изощренным самоубийством. Ее план был одновременно и проще, и хитрее. Когда «Полярный Лис» скрылся от наблюдения со стороны орбитальных крепостей за планетарным диском, на нем разом открылись ракетные шахты и из них, оставляя за собой облачка рассеивающихся газов, в космос один за другим стали вылетать ТПК (транспортно-пусковые контейнеры) стратегических ракет. По полсекунды на единичный пуск, чуть больше минуты на полный залп ракетным комплексом главного калибра. По земным меркам (при снаряжении полностью в кассетной версии) этого залпа хватило бы, чтобы смести с лица планеты не очень крупную страну вроде Соединенных Штатов или Европейского Союза.

Удалившись по инерции на безопасное от «Полярного Лиса» расстояние, умные ракеты сбрасывали свои ТПК, и при помощи маневровых двигателей, развернувшись хвостовой частью вперед, включали разгонные ступени... на торможение. Скорость «Лиса» в момент пуска была около двадцати километров в секунду; и прежде чем войти в плотные слои атмосферы, сфероцилиндрическим снарядам, покрытым плотной теплозащитной керамикой, требовалось сбросить ее до пяти-шести. Потом еще один разворот на сто восемьдесят градусов и нырок головой вперед в бушующую в атмосфере Акилоза углекислотную бурю. Там, в этой мутной сарабанде, им, огибая складки местности, на гиперзвуковой скорости предстояло пролететь еще почти пять с половиной тысяч километров. Хорошо, что этой картины массово входящих в атмосферу и выпускающих крылья боевых частей стратегических ракет не видели тактики темных эйджел, а то их тут же хватил бы товарищ Кондратий Инфарктович. Потому что это именно они прохлопали этот смертельный ход, несущий тяжелые последствия.

Тем временем, закончив «метать икру», «Полярный Лис», инвертировал вектор приложения тяги гравитационных импеллеров и, чуть изменив траекторию, вместо продолжения торможения, начал стремительно разгоняться. Дело

сделано; пора было уносить отсюда ноги, руки и другие части тела. Злые хозяева уже готовы вцепиться «Полярному Лису» и в хвост, и в гриву – и тогда ему станет очень нехорошо, ведь шкура у него тонкая и плохо приспособлена к большой драке. Быстрое животное с острыми зубами предназначено для того, чтобы укусить врага в стремительном броске и так же стремительно отскочить, не получая сдачи. Так что скорее отсюда прочь, спастись хоть куда-нибудь, а там будет видно.

Правда, хозяевам этих мест, то есть темным эйджел, тоже было не до веселья. Когда детекторы на их крейсерах снова обнаружили рейдер хумансов, он не следовал навстречу им по круговой орбите, как предполагалось, а стремительно разогнался, лишь чуть изменив свой вектор для минимизации времени, требующегося для выхода за гравитационный радиус планеты, запрещающий прыжок. Его скорость составляла уже тридцать пять километров в секунду и быстро увеличивалась, а вместе со скоростью увеличивалось и расстояние, разделяющее погоню и преследуемого. Так значит, все-таки это был пролет исключительно с разведывательными целями?

Достать до рейдера хумансов к тому моменту, когда он был обнаружен и опознан, могли только дальнобойные тераваттные лазеры крейсеров, но на таком расстоянии они способны лишь нагреть многослойное термостойкое покрытие, но не прожечь его насквозь. А ведь под ним находится еще достаточно стойкая металлокерамическая броня. Потом детекторы кораблей темных эйджел обнаружили рой каких-то предметов, следующий почти по той же траектории, что и рейдер, только с гораздо меньшей линейной скоростью. Детальное сканирование показало, что это очень легкие пустые цилиндры, сделанные из неметаллического композитного материала, похожие на упаковочную тару. И если эта тара летит себе спокойно в пространстве, то где же то цилиндрическое, которое было упаковано в нее ранее? Запоздалое понимание этой простой истины способно бросить в холодный пот даже хладнокровных старших матрон темных эйджел.

Но если бы они знали, что еще несколько минут назад они миновали ударную волну стремительных ракет, летящих к цели под покровом пыльного атмосферного урагана, то истерике бы не было предела. Каждую секунду расстояние между смертью, мчащейся по направлению к рудному комплексу, и кораблями темных эйджел увеличивалось на двенадцать километров. Секунда за секундой, секунда за секундой. А ближняя оборона шахт была рассчитана на отражение ракетно-бомбовой атаки из космоса, почти из зенита, и была

практически беззащитна против гиперзвуковых боевых блоков, летящих по низковысотной траектории и атакующих цели из-за близкого здесь горизонта, до которого всего-то три с половиной километра. Дополнительно, для увеличения эффективности удара, вытянувшиеся в строй фронта ракеты перед самой атакой загнули фланги, выходя в атаку на цель сразу со всех сторон. А потом чуть больше секунды в поле зрения сканирующих систем – и все! Этого времени операторам оборонительных систем было недостаточно даже для того, чтобы просто испугаться.

В тот момент, когда багровый, затянутый пыльной пеленой, диск планеты Акилоза озарился серией ярчайших вспышек, для невооруженного человеческого глаза слившейся в одну сверхвспышку, моментально забившую все детекторы в электромагнитном диапазоне, «Полярный Лис» уже почти достиг того рубежа, с которого можно было безопасно совершить прямой прыжок куда-нибудь в безопасное межзвездное пространство. Особая точность в таких случаях не нужна – чем замысловатей будет канал из-за искажений, тем сложнее будет преследователям методом обратного тыка вычислять предполагаемый вектор прыжка беглеца и определять район космоса, в который его занесло. И плевать на то, что больше половины энергии, затраченной на прыжок, уходит в эти самые искажения канала; главное, чтобы из-за них канал не порвался и не превратил совершающий прыжок корабль в облако кварков.

Еще несколько минут – и совершивший прыжок «Полярный Лис» окажется в безопасности, тем более что по всем данным, которые удалось получить до ослепления детекторов, выходило, что координаты взрыва боеголовок ракет совпадали с зафиксированным местоположением шахтного комплекса.

А там, где только что находился источник мощи и богатства консорциума нескольких непримиримых кланов темных эйджел, сейчас творился невообразимый ужас. Во-первых – все живое, находившееся в шахтном комплексе, неважно на какой глубине, умерло мгновенно без страха и мучений. Ведь над их головами взорвалась мощь, равная двум сахаровским «Царь-бомбам». Кто не испарился, превратившись в высокотемпературную плазму, тот оказался сплюснен в протоплазменную кашу давлением внезапно сдвинувшихся от титанического удара скальных пластов.

Хуже пришлось тем, кто находился наверху, в помещениях функционирующей на полную мощность орбитальной верфи. Взрыв, уничтоживший наземный комплекс, естественно, перебил и космический лифт, соединявший этот

комплекс с верфью. Помните, что бывает, когда лопается туго натянутый буксировочный канат? Вверх по уцелевшей плети лифта побежала разрушающая ее резонансная волна, которая, добравшись до орбитальной верфи, вызвала на ней немалые разрушения. Но и это было еще не все. На уровне верфи космический лифт не кончался, а поднимался еще на двенадцать тысяч километров к астероиду-противовесу, который был нужен для того, чтобы держать плеть лифта в натянутом состоянии. И вот этот противовес, орбитальная скорость которого была больше второй космической, потащил орбитальную верфь (вместе со скелетом недостроенного крейсера и всеми ее обитателями), а также болтающуюся под ней полуразрушенную плеть космического лифта прочь от планеты. И остановить это улетающий «воздушный шарик» темным эйджел было нечем. Задача, которую ставил перед собой рейдер злобных хумансов, была выполнена. Промышленная инфраструктура на планете Акило-за была полностью уничтожена, производство прекращено на неопределенный срок.

Но и у «Полярного Лиса» дела обстояли не самым лучшим образом. Да, из-за хитрости, придуманной Ватилой Бе, крейсер относительно легко оторвался от погони дежурившей в окрестностях верфи эскадры прикрытия, но из-за временного ослепления детекторов электромагнитного диапазона ни тактическая, ни навигационная служба не смогли обнаружить вражеский патрульный корвет, прячущийся под пологом маскирующего поля. Экипаж этого корвета, состоящий из четырех темных эйджел, обнаружив, что рейдер хумансов разгоняется в их направлении, решил затаиться под маскирующим полем для того, чтобы бить наверняка. В обычном бою корвет против крейсера не имеет не единого шанса, но когда крейсер ослеп от вспышек собственных ракет, а у корвета имеются две гравитонные торпеды, соотношение сил резко меняется.

Правда, детекторы ослепили не только на крейсере, но зато экипаж корвета может приказать механизмам раздернуть бронированные шторы на центре управления и вместо ослепших экранов увидеть космос собственными глазами, а навигатор крейсера лишен такой возможности. Будь корвет чуть потяжелее, на той дистанции его можно было бы заблаговременно засечь гравитационным сканером, но бесполезно жалеть о различных «если бы». Например, торпедный залп, произведенный экипажем патрульного корвета «на глаз», несмотря на все их темноэйджеловское мастерство, тоже не был эталоном точности и удачливости. Одна торпеда и вовсе безвестно канула во мраке космического пространства, да и вторая ухватила рейдер хумансов гравитационным детектором в последний момент, когда тот уже уходил в прыжок, стремительно теряя видимую массу. С точки зрения системы наведения торпеды это означало,

что она прошла мимо цели и необходимо немедленно давать команду на подрыв.

Локальная сфера Шварцшильда возникла прямо по курсу уходящего в прыжок «Полярного Лиса» в тот момент, когда тот ушел в канал на девяносто процентов. Случись этот подрыв на мгновение раньше, до раскрытия прыжкового канала – и автоматика запретила бы прыжок из-за внезапно возникшей гравитационной помехи. «Полярного Лиса» серьезно бы потрянуло, а через пару секунд запрет на прыжок был бы снят, ибо локальная сфера Шварцшильда живет только доли секунды. Но мы помним, что взрыватель торпеды сработал как раз на уход «Полярного Лиса» в прыжок, поэтому подрыв не мог произойти раньше; как впрочем, не мог он произойти и позже, когда прыжковый канал уже схлопнулся. Одним словом, что произошло, то произошло.

Первый навигатор «Полярного Лиса» – капитан третьего ранга, чистокровная темная эйджел Визал Ала, помнившая еще времена «до Империи» – в момент прыжка по боевому расписанию находилась в ложементе управления прыжковым генератором и через вживленный в мозг управляющий чип* контролировала процесс образования прыжкового канала. Если бы прыжок выполняла автоматика, как это допустимо в простых случаях, когда корабль прыгает из пустоты в пустоту, то от «Полярного Лиса» осталось бы и ведра кварков. Дело в том, что под влиянием неожиданно возникшей гравитационной помехи уже полностью сформировавшийся прыжковый канал выскочил из Плоскости событий данной реальности и начал изгибаться «вверх» в такие области Мироздания, в которых не только нет биологической жизни, но и невозможно существование никаких материальных объектов крупнее атома водорода.

Примечание авторов: * управляющий чип – технология, разработанная в империи во времена императора Шевцова. Обычный чип, вживляемый в мозг сибхе, горхе, хумансу, другой эйджел или их гибридом, позволяет той мастеру-эйджел, на которую он настроен, непосредственно управлять реципиентом. Управляющий чип вживляется в мозг именно мастеру-эйджел и позволяет ей напрямую, с помощью мысли, в режиме реального времени управлять теми процессами, для которых «ручное» управление слишком медленно и неуклюже.

Но Визал Ала чисто рефлекторно (рефлексы для навигатора, напрямую управляющего прыжком – это все), успела отреагировать на эту помеху и попыталась парировать изгиб канала, вложив в этот маневр всю мощь, какую только мог дать конвертер «Полярного Лиса». В результате, выскочив на

мгновение над своей плоскостью событий, «Полярный Лис» неуклюже соскользнул обратно, в реальные слои мироздания, сумев утвердиться на поверхности первой попавшейся реальности. А может быть, эта реальность вовсе и не была первой попавшейся, просто КОМУ-ТО понадобилось, чтобы рейдер Русской Галактической Империи попал именно сюда – ни слоем выше, ни слоем ниже. У темных эйджел этот кто-то носит имя Великого Духа Вселенной. Визал Ала, когда она спасала свой корабль, на мгновение даже показалось, что она прикоснулась к мыслям этого сверхсущества, но сейчас она не могла никому об этом рассказать, так как после, совершив сверхусилие и вернув «Полярного Лиса» в обычную реальность, она тут же впала в тяжелую кому, вызванную нервным истощением. Она свое дело сделала; теперь ей требовался отдых; и пока никто не знал, того насколько долгим он будет...

Часть 1

Неизвестно когда. Пространство между галактическими рукавами Стрельца и Ориона примерно 3.500 световых лет до За-о-Дешт (Новороссии) и 3.000 световых лет до Солнца Старой Земли.

«Полярный Лис» с отключенными импеллерами, казалось, неподвижно повис в черной пустоте между двумя галактическими рукавами, сияющими жемчужным светом тысяч звезд. И только тускло светящиеся габаритные огни да температура обшивки в сто шестьдесят шесть градусов по Кельвину (-107С)* говорили о том, что внутри корабля еще теплится жизнь. Правда, никаких светящихся иллюминаторов и прочей подобной, лабуды на корпусе «Полярного Лиса» не имелось. Да и зачем – ведь это боевой крейсер, а не прогулочный лайнер, иллюминаторы которых тоже по большей части являются имитацией. И без всякой войны космос суров и беспощаден; так зачем давать ему лишний шанс, своими руками нарушая целостность корпуса?

Примечание авторов: * В жилых и рабочих отсеках крейсера поддерживается комфортная для людей температура в +25С (298К), но благодаря мощной теплоизоляции, в основном предназначенной для защиты внутренних помещений от тепла лазерных импульсов и сгустков высокотемпературной плазмы, температура внешней обшивки значительно отличается от температуры

во внутренних помещениях.

В командном центре корабля капитан первого ранга Малинин, суровый, как воплощение духа войны, собрал на Совет весь командный состав «Полярного Лиса». Главный навигатор, капитан второго ранга Ванесса Олина, доложила присутствующим о том, что из расшифрованных записей телеметрической аппаратуры уже известно, что из-за внезапно возникшей грубой гравитационной помехи подпространственный прыжок при отходе от планеты Акило-за прошел со значительным искажением рабочих параметров канала, что привело к нештатному завершению прыжка. Немного помолчав, капитан второго ранга Олина добавила, что, скорее всего, причиной помехи был близкий подрыв гравитонной торпеды. При этом первый навигатор, темная эйджел Визал Ала, при первых признаках возникновения аварийной ситуации предприняла энергичные и, можно сказать, радикальные меры для того, чтобы вернуть утративший контроль крейсер в плоскость событий. В результате этих действий сама Визал Ала госпитализирована в медблок с признаками тяжелого поражения центральной нервной системы; зато все мы живы, здоровы и не превратились в облако кварков, как это могло быть при худшем развитии событий.

Но тем не менее хорошего в произошедшем мало. После Ванессы Олины слово взял главный сигнальщик «Полярного Лиса», капитан третьего ранга Гор Видм с Тардана – он с хмурым видом доложил, что его аппаратура не смогла обнаружить ни одного подпространственного маяка с имперскими позывными. Следовательно, навигаторы не могут использовать эти маяки с целью ориентации в пространстве, а у командира «Полярного Лиса» отсутствует возможность доложить командованию об успешном выполнении задания.

После главного сигнальщика слово снова взяла Ванесса Одина и сказала, что самым неприятным следствием этого нештатного развития событий является то, что оставшимся в строю навигаторам до сих пор не удалось установить точного пространственного местоположения «Полярного Лиса». Сейчас это ничем не угрожает кораблю и команде, но в связи с информацией, изложенной выше товарищем Гор Видмом, такая неопределенность настораживает. Различные методы астрономических и гравитонных измерений противоречат друг другу, и конечный результат, как говорят в Новороссии, получается плюс-минус лапоть. Единственный вывод, который можно сделать – это то, что ключевые сверхгиганты, используемые для межзвездной навигации, находятся не на своих местах, и последний прыжок, приведший к нештатной ситуации, произошел не только в пространстве, но и во времени. Если подставить в навигационные

расчеты допущение об откате в прошлое на двести девяносто один год, то данные астрономических и гравитонных методов начинают сходиться с приемлемой точностью.

После этого заявления в главном командном центре наступила гробовая тишина. Для всех находящихся здесь мужчин и женщин Империя была отцом и матерью, главным смыслом существования и той объединяющей идеей, которая позволяла уживаться им вместе – таким разным и непохожим друг на друга. И вот она исчезла, превратилась в морок, в нематериальную идею, потому что до ее основания императором Шевцовым и императрицей Викторией осталось не менее семидесяти лет, если это основание вообще произойдет в этом временном потоке.

– Не произойдет, – главный сигнальщик покачал бритой головой с нанесенной на нее тарданской клановой татуировкой, – наша аппаратура не обнаружила в заданной области пространства гравитационных искажений, которые оставляет двигающийся с релятивистскими скоростями массивный объект размером с «Несокрушимый». В настоящий момент он должен быть уже примерно в пятидесяти световых годах от Старой Земли, но мы не обнаружили ничего похожего на подобное явление. Не удалось нам засечь и позывные принадлежности в Старой Неоримской Империи, которые коммуникационная аппаратура «Несокрушимого» должна передавать до тех пор, пока император Шевцов не сменит их на позывные Русской Галактической Империи.

В голосе капитана третьего ранга прозвучал традиционный тарданский фатализм:

– Одним словом, мы тут одни, и на помощь со стороны надежды нет. Все, кого мы знали, кого любили и на кого надеялись, еще не родились, и наши народы находятся в своем диком, первозданном, доимперском состоянии; и нет для нас ни защиты, ни совета...

Шум, поднявшийся было после этих слов главного сигнальщика, пресек командиром крейсера, который до сей поры внимательно наблюдал за происходящим, не вмешиваясь ни единым словом. Рывкнув: «Молчать, товарищи офицеры!», капитан первого ранга Василий Малинин встал со своего места, подошел к главному терминалу корабельного компьютера и положил на идентифицирующую панель левую руку со специальным перстнем-печаткой, подтверждающим его полномочия, одновременно правой набрав короткую

кодovou фразу. Такой сложный способ идентификации (обычно достаточно расшифровки спектра голоса, в крайнем случае, рисунка папиллярных линий) применялся только тогда, когда командиру корабля предстояло прибегнуть к каким-нибудь экстраординарным методам, далеко выходящим за пределы обычных должностных инструкций.

Поэтому после командирского рыка в помещении главного командного центра снова настала тишина. На дальних разведывательно-ударных рейдерах служат люди не робкого десятка; и такой банальной вещью, как обычная смерть, их не напугаешь, тем более что задание-то они выполнили на «отлично», врага разбомбили дотла. Сейчас в их душах теплилась надежда, что командир все-таки сумеет найти в памяти бортового компьютера ту самую важную инструкцию, которая поможет им вернуться в свой мир, свое время, к родным и близким...

Но командир и не собирался искать инструкцию по возвращению в свое время; ее банально не существовало. Вместо того, когда в командном центре перед ним появилась голограмма искина Ипатия, стоящая навтыяжку в позе безусловного подчинения, капитан первого ранга Малинин «Полярного Лиса» скомандовал:

– Ипатий, изложи нам главные директивы синей книги, пункт два-два, «прыжок с выходом корабля в иную реальность, не имеющую связи с Русской галактической империей».

– Директива первая, – четко отрапортовал Ипатий, – командир корабля, попавшего в иную реальность, не имеющую связи с Империей, обязан переосновать Русскую Галактическую Империю на планете Новороссия, с использованием как минимум восьми тысяч русских колонистов со Старой Земли и русского кандидата в императоры с психопрофилем не ниже уровня АЗ.

– Но мы не сможем принять на борт восемь тысяч колонистов, – возразил старший офицер крейсера, капитан второго ранга Жерар Антон, родом с Франконии, – помимо команды и десанта восемьсот человек без багажа – это наш предел, и то дышать им придется пореже и питаться лишь бы не умереть с голоду, потому что иначе от перегрузки сдохнет система жизнеобеспечения. Почему бы нам не переосновать Империю на одном из высокоразвитых человеческих колонизаторов Франконии или Склавении?

– А потому, – парировал капитан первого ранга Малинин, – что наш «Полярный Лис» – это далеко не «Несокрушимый», и не только по грузоподъемности. Один налет воинствующего клана темных эйджел – и основанную нами Империю можно списывать в утиль.

– Да, это так, – нехотя подтвердила главный тактик Ватила Бе, – прежде чем мы снова выйдем на бой, наш «Лис» нуждается в перезарядке боекомплекта главного калибра и серьезном техническом обслуживании, что невозможно при отсутствии Империи. Но даже если...

– У нас просто не хватит мощи сражаться против всей цивилизации Кланов, – закончил мысль тактика командир «Полярного Лиса», – а потому такой вариант не проходит. Впрочем, император Шевцов, основавший нашу Империю, не хуже нас с вами понимал, что «Несокрушимый» – это уникальный и трудноповторимый случай, а посему внес в Директивы свои изменения и дополнения. Продолжай, Ипатий!

– Директива вторая – послушно откликнулся Ипатий, – если корабль, попавший в иную реальность, не в состоянии взять на борт означенное количество колонистов и обеспечить безопасность в борьбе с цивилизацией кланов эйджел, то империя должна быть переоснована на Старой Земле, на базе существующего на тот момент русского государства. При этом с командования корабля снимаются запреты на вмешательство в планетарную политику и применение вооруженной силы, сохраняется запрет на применение оружия массового поражения.

– Упс! – прокомментировала Ватила Бе. – А у нас все оружие массового поражения и так расстреляно полностью, до железки; ракетные шахты пусты и вполне годятся для хранения картошки. Но в любом случае, Ипатий, мне лично хотелось бы знать, с чем и с кем нам там предстоит иметь дело и придется ли воевать?

– Отскок назад в двести девяносто один год, – отрапортовал Ипатий, – означает дату в семьдесят лет до основания Империи императором Шевцовым, или 1939-42 года христианской эры. Более точно дату можно будет установить по прибытии. Данный период истории Старой Земли характеризуется начальным этапом ожесточенной общепланетной войны, в которой Старая Россия, которая тогда носила название Эс-Эс-Эс-Эр, будучи жертвой вероломного нападения, принимала очень активное участие...

Прежде чем хоть кто-то хоть что-то успел сказать, капитан первого ранга Малинин решительно произнес:

– Благодарю, Ипатий! Основные директивы один и два – к исполнению! Навигационной службе проложить курс к Старой Земле. В прыжковый ложемент сажайте старшего лейтенанта Корнил Иту. Ну и что, что она очень молода – не моложе меня самого. Шутка! А кроме шуток – в конце концов, она же темная эйджел и дипломированный навигатор, и значит, должна справиться с полетом. У нас просто нет времени ждать, пока Визал Ала придет в себя; да и потом ей наверняка потребуется продолжительный отдых. Так что выбора у нас нет. Или в прыжковом ложементе будет сидеть Корнил Ита, или все мы идем пешком и тянем за собой нашего «Лиса» на веревочке как древние бурлаки.

Главный навигатор покачала головой.

– Хорошо, почитаемый командир, – скрывая улыбку на пышных губах, сказала Ванесса Олина, – и, разумеется, мы не пойдём пешком. Могу вас заверить, товарищ командир, что все будет сделано в наилучшем виде...

Кивнув главному навигатору, командир поочередно остановил свой взгляд на старшем социоинженере и главном тактике.

– Малинче Евксина и Ватила Бе, – сказал он, – вам необходимо получить у Ипатия профильные гипнопедические материалы по данной эпохе Старой Земли и тщательно изучить их. Ровно через сутки – первичное совещание в моей каюте. Всем остальным общий курс обучения. И не бздеть! Поскольку у нас нет иного выбора, мы идем на переоснование новой Русской Галактической Империи. Впрочем, если мы этого не сделаем, а попытаемся основать маленькую колонию на свободной планете в запретной зоне, то быстро выродимся и одичаем. Не так ли, товарищ Малинче?

Старший социоинженер крейсера Малинче Евксина, светлая эйджел-полукровка с Латины, с серьезным видом кивнула. Она до сих пор не могла прийти в себя от мысли, что ей, фактически молодому специалисту, придется работать с самой Старой Землей, насчитывающей несколько миллиардов обитателей, превращая непричесанный дикий хаос в стройную систему новой Империи. Она обязательно все изучит и сделает так, чтобы ею были довольны и капитан первого ранга Малинин, и пока еще неведомый Император, которого предстоит найти и

воспитать в надлежащем ключе.

Сутки спустя. Край галактического рукава Ориона, примерно 500 световых лет до Солнца Старой Земли.

Спустя ровно сутки после совещания в каюте командира, в его рабочем кабинете (кстати, примыкавшем к тому самому командному центру и имевшему в него прямую дверь) встретились три человека. Во-первых – это был сам капитан первого ранга Василий Малинин, командир «Полярного Лиса» на которого тяжким грузом обвалилась ответственность стать повивальной бабкой новой империи. Но он без единого стога принял этот груз на плечи. Любой офицер с командирской специализацией, готовый взойти на мостик в должности «первого после Бога», должен быть готов к тому, что на него однажды может упасть огромная ответственность.

Во-вторых – это была старший социоинженер Малинче Евксина, наполовину (по матери) светлая эйджел, а по отцу латинка. Светлые, чуть рыжеватые длинные волосы она носила, схватив их силовой застежкой почти на макушке в конский хвост, а на ее белом, узком, костистом, чуть раскосом лице самой заметной достопримечательностью выделялся большой и тонкий, аристократический нос с горбинкой. Знакомые говорили, что ее лицо похоже на лезвие ножа. Малинче была невероятно горда выпавшей на ее долю судьбой и собиралась вцепиться в работу по преобразованию Старой Земли со всей возможной серьезностью, чтобы оправдать возложенное на нее доверие Великого Духа Вселенной.

В-третьих – за тем же столом сидела главный тактик «Полярного Лиса», капитан второго ранга Ватила Бе, по матери темная эйджел, а по отцу новороска из первого поколения. В бою главный тактик почти равен командиру корабля, который единственный может отменить ее приказы и распоряжения. Но такая отмена может значить только то, что политические и стратегические соображения командира возобладали над тактическими соображениями главного тактика. Но между командиром «Полярного Лиса» и его главным тактиком таких случаев до сей поры не наблюдалось, а потому уровень доверия между ними был очень высок. Ватила Бе действительно была отличным тактиком, и каждый раз, обыграв противника, очень гордилась своей профессионально сделанной работой.

В какой-то мере она была прямой противоположностью Малинче Евксине, и не только потому, что одна по матери была темной, другая светлой. Что новороссы, что темные эйджел одинаково считались образцом внешней суровости и воинской доблести, в то время как цивилизация Латины (как и хозяйствующий на ней почти открыто клан светлых эйджел) считалась особо гуманитарно утонченной. Эта утонченность не мешала латинским элитариям наслаждаться кровавыми зрелищами гладиаторских боев и жестоких публичных казней; причем, чем невинней и беззащитней выглядели жертвы, тем больший ажиотаж вызывали казни. Потом на Латину пришли суровые имперцы и поставили местную элиту в интересную позу, когда попа оказывается значительно выше головы.

Правда, клан матери Малинче быстро отрекся от своих прежних заблуждений и подписал почетную капитуляцию, которая позволила им сохранить почти все, кроме власти. При этом многие сестры клана, в том числе и будущая мать Малинче, еще долго и плодотворно продолжали трудиться советниками в администрации имперского наместника. Именно там и состоялась ее встреча с молодым и перспективным местным уроженцем, не имевшим отношения к прежней элите и закончившим Новоросский университет по программе подготовки местных кадров. При этом никакой свадьбы или чего-то похожего не было. Мать Малинче просто заявила, что будет рожать без всякого узаконивания отношений. Да и смешно же это – трехсотлетняя бывшая матрона эйджел оформляет отношения с тридцатилетним мальчишкой-хумансом. Поди, она и сама женщина небедная – генеральный директор корпорации «Белый туман», в которую после перехода под юрисдикцию Империи преобразовался светлый клан «Белого тумана».

Вот Малинче и выросла среди своих тетушек, родных и двоюродных сестер – дочь матроны, первая, но не последняя полукровка в клане-корпорации. Единственное, на что не могла повлиять ее мать, почти всесильная под крышей родового гнезда-поместья – это на имперскую школу, которую Малинче предписывалось посещать в обязательном порядке, как и остальным детям империи. Контраст между домом и школой был разительным, и отнюдь не в пользу дома. Она была не первая и не последняя из тех юных эйджел, кто, получив диплом о среднем образовании, тут же, в школьной канцелярии, написала о своем желании продолжить обучение в Новоросском университете, благо ее диплом «без троек» позволял поступать на социоинженерный факультет без экзаменов.

Нельзя сказать, что мать была довольна таким решением непослушной дочери, но полного разрыва с кланом-корпорацией не потребовала и даже высылала непутевой, как она считала, дочери средства на улучшение жизненных условий во время учебы. С приходом Империи молодежь стала массово покидать гнезда, причем уходили не только метиски, но и чистокровные девушки эйджел. Бурлящий от событий мир Империи казался им более интересным, чем тихая и даже затхлая атмосфера родных гнезд, и с этим ничего нельзя было поделать. Тем более что в случае Малинче социальная инженерия была профессией престижной и востребованной, и дочь в случае успеха могла прославить клан.

У Ватилы Бе все было с точностью наоборот. Ее мать Зейнал была одной из первых эйджел, пошедших на официальные отношения с хумансом, и росла она в парной семье, как у хумасов, а не в клане, и ради учебы в Космической Академии ей не надо было вступать в конфликт с матерью, которая тогда в этой же Академии преподавала. Ну и еще разница между ними была в возрасте – Ватила примерно на полтора столетия была старше Малинче, только недавно получившей право на самостоятельную работу в должности старшего социоинженера. Но несмотря на разницу в их происхождении и предыстории, никакого конфликта между двумя полукровками не было. Они обе были частью одной команды, одного боевого коллектива и одной Империи. К тому же их объединяло то, что они относились к страте удачных случаев хуман-эйджеловской гибридизации.

Когда-то искин Кандид с «Несокрушимого» сказал императору Шевцову (тогда еще будущему), что результаты скрещивания обычных людей с эйджел неоримляне сочли неудачными, так как в среднем потомки, как правило, наследовали только отрицательные черты родителей. Медики Русской Галактической империи по заданию Императора Шевцова и императрицы Виктории взяли на себя труд перепроверить эти данные и пришли к выводу, что если брать «в среднем по больнице», то так и есть. Примерно две трети метисов наследуют либо оба, либо одно из отрицательных качеств своих родителей – то есть средние умственные способности хумансов и социопатию эйджел, из-за которой им закрыт доступ к руководящим должностям; но примерно одну треть смешанного потомства можно признать в той или иной степени удачной.

И решение имперских властей был простым и убойным, как автомат Калашникова. Неудачные гибриды подвергались необратимой или обратимой контрацепции, после чего жили в меру своего разума и способностей, а удачные стимулировались к размножению; например Ватила Бе за те полторы с

лишним сотни лет, что она считалась взрослой, родила уже семь дочерей своим чревом и отдала несколько сотен донорских яйцеклеток для последующего экстракорпорального оплодотворения и подсадки эмбрионов в матки социально полезным, но генетически не столь успешным хуманс-эйджеловским гибридам, жаждущим потомства. И только двух ее дочерей (уже давно взрослых) признали «не вполне удавшимися», а остальные пятеро пополнили собой золотой генофонд формирующейся объединенной расы. Малинче Евксина в силу своей молодости сама еще ни разу не рожала, но донорский материал в репродукционном центре сдавала не один раз. И, как уже говорилось выше – и Ватила, и Малинче совсем не возражали, чтобы отцом их будущих детей стал именно их командир, капитан первого ранга Малинин. Ватила вообще подумывала о том, что по все законам вероятности у нее, как у метиски, следующий ребенок окажется мальчиком, и что для всей их команды было бы большой удачей, если бы этот ребенок унаследовал лучшие черты их обожаемого командира.

Но сейчас разговор пойдет совсем не об этом, потому что все трое, усевшись за столом, приготовились обсуждать только одну единственно важную на данный момент тему. Первой слово взяла Малинче Евксина. Ведь именно социоинженеры определяют, стоит ли вообще тактикам проявлять свои таланты, и если стоит, то в каком объеме и под какие задачи.

– Я изучила все предоставленные материалы, – с некоторым сомнением сказала Малинче, – и с трудом могу поверить, что эта неуклюжая, заидеологизированная социальная система, которую местные называют советской, могла стать предтечей нашей Империи...

– Невероятно, но факт, – сухо кивнул капитан первого ранга Малинин, который в течение этих суток также прослушал общую историческую справку (не такую детальную, как узкие специалисты, но зато более широкую), – СССР действительно является предтечей нашей Империи по трем ключевым параметрам: во-первых – государствообразующей там является русская нация; во-вторых – тамошняя советская идеология не делит людей по сортам в зависимости от их происхождения, цвета кожи, разреза глаз и прочего; в-третьих – в СССР также, как и в нашей Империи, власть стремится к социальной справедливости, только понимает она ее несколько примитивно, в уравнительном ключе. Но это, я думаю, дело поправимое.

– Действительно, мой почитаемый командир, – согласилась Малинче, – определенное сходство между двумя системами наблюдается, и это дает нам надежду подобрать такой набор ключей, чтобы их советская система преобразовалась в нашу, имперскую, с минимальными социальными издержками. В первую очередь надо что-то делать с этой их религией – с так называемым марксизмом, который, будучи пущен на самотек, эволюционирует в направлении, прямо противоположном требуемому. Понятие профориентации отсутствует начисто, а посему на всех этажах управленческой пирамиды имеется огромное количество некомпетентных руководителей, которые своими непрофессиональными решениями сеют в государственной системе хаос. Эффективность мероприятий по очистке системы от таких некомпетентных руководителей удручающе низка, и даже более того – вместо них зачастую удаляются полезные компоненты системы. Этот их троцкизм и борьба с ним весьма напоминают змею, кусающую собственный хвост.

– Насколько я помню из общего курса, – парировал слова социоинженера командир «Полярного Лиса», – в ходе той грядущей пока для них войны наши предки решили большинство из перечисленных вами задач и смогли создать систему с вполне приемлемой эффективностью решений и компетентной управленческой пирамидой.

– Почитаемый командир, – с придыханием произнесла Малинче, – я не хочу сказать ничего плохого против ваших великих предков – в конце концов, они решили все свои проблемы и сумели породить основателей Империи. Но не стоит забывать и о том, что оздоровление системы произошло через тяжелейший вызов, потребовав при этом огромных материальных потерь и человеческих жертв. Но как только этот вызов миновал, система стала понемногу, а потом все быстрее и быстрее деградировать в сторону упрощения и некомпетентности. Если мы сохраним эту систему со всеми ее особенностями для нашей новой Империи, только слегка подправив фасад, то ее будет ждать такой же конец, какой ждал ваш Эс-Эс-Эс-Эр всего через пятьдесят стандартных лет после того момента, в который мы собираемся прибыть. Такой крах может случиться рано или поздно, но он неизбежно произойдет, если мы заранее не заменим их систему управления на нашу, имперскую, опирающуюся на компетентных и ответственных руководителей...

– Все остальные социально-политические системы, окружающие СССР, еще хуже, – возразил капитан первого ранга Малинин. – Алчность и жажда наживы, или идея превосходства одной нации над всеми остальными, взятые как

этическая основа социальной системы, не вызывают у меня никаких других эмоций, кроме желая вбить эту мерзость в прах.

Малинче Евксина энергично кивнула.

– Это действительно так, мой почитаемый командир, – сказала она, – я с вами полностью согласна в том, что остальные социальные системы, существующие на данный момент на Старой Земле, вообще не имеют ключей для преобразования их в имперские структуры и подлежат сносу до основания, с построением социальных структур Империи на расчищенном месте. В принципе, я и не возражала против преобразования Эс-Эс-Эс-Эр в нашу империю, только указала, какие сложности ждут нас на этом пути.

– Я, хоть и не социоинженер, – вставила свои «пять копеек» Ватила Бе, – но понимаю, что в любом случае все зависит от того, кто станет кандидатом в императоры, насколько его воспримет существующая управленческая система, и насколько он сам будет склонен к восприятию наших целей и задач. Помнится, искин Кандид поначалу побуждал к исполнению своих обязанностей будущего первого императора Шевцова исключительно при помощи грубого насилия и шантажа, и только потом тот проникся величием и глубиной имперской идеи.

Командир «Полярного Лиса» задумчиво почесал переносицу, потом по очереди внимательно посмотрел на обеих собеседниц и веско произнес:

– Предположительный (еще до психосканирования) Кандидат в Императоры у нас уже имеется. Конечно, окончательное решение можно будет принимать только после получения данных объективного контроля, но мое предварительное мнение таково, что этот человек не смог бы совершить всего того, что он совершил, не имея императорского психопрофиля с уровнем не ниже А1.

– Может быть, может быть, – задумчиво произнесла Малинче, крутя в тонких пальцах световой карандаш, – в любом случае, как мы уже тут установили, Эс-Эс-Эс-Эр – это единственная система, которую возможно преобразовать в Империю без ее полного разрушения. Что касается точного подбора ключей, то позвольте заняться им у уже после начала непосредственного взаимодействия с местными властями и предполагаемым Кандидатом. Есть у меня, знаете ли, почитаемый командир, некоторые сомнения, что те исторические документы,

которые ваши предки захватили с собой в Галактику, отражают текущее состояние дел со стопроцентной точностью. Кое-что может оказаться приукрашенным, а кое-что забытым, так что перед тем, как приступить непосредственно к работе, я предпочла бы увидеть все собственными глазами. Точный анализ на основе объективной информации – вот залог успеха работы хорошего социоинженера.

– Согласен с вами, товарищ Малинче Евксина, – кивнул капитан первого ранга Малинин, – выработку конкретных планов по дипломатическим контактам и формулам социальных преобразований лучше отложить до момента прибытия в систему и получения объективных данных орбитального и локального психосканирования. Но эта отсрочка в составлении планов никак не влияет на наши возможные военные планы. Должны же наши люди знать, к чему им готовиться и кто будет их врагом.

Главный тактик Ватила Бе сначала ненадолго задумалась, потом произнесла:

– Опять же, пока я не увидела тактический расклад своими глазами, мне трудно сказать, какими конкретно будут наши действия. Но сразу понятно, что нам не по силам везде и сразу остановить многомиллионное вторжение войск страны Германии на территорию страны Эс-Эс-Эс-Эр. Десяти бомбардировщиков, тридцати истребителей, батальона штурмовой пехоты и егерской роты хватит только на то, чтобы нарушить планы нападающих, внести в их ряды хаос и посеять сомнения в их верховном командовании, одновременно воодушевив обороняющихся и стимулировав их сопротивление. Еще наши действия сильно будут зависеть от того, прибудем ли мы в систему Старой Земли до или после нападения страны Германия на страну Эс-Эс-Эс-Эр. Если прибытие состоится заблаговременно, с некоторым запасом времени, то можно попробовать сыграть на опережение, а если после, то тогда нам, как это обычно бывает, придется составлять конкретные военные планы уже в ходе сражения. При этом нам придется входить в контакт с командованием местных войск и добиваться от него если не подчинения, то хотя бы взаимодействия. Не думаю, что это будет легко и просто, но особых сложностей тоже не предвижу. Один раз, мой почитаемый командир, ваши предки выиграли эту войну вполне самостоятельно, второй раз, с нашей помощью и помощью Великого Духа Вселенной, который стоит за нашими спинами, эта война будет выиграна гораздо быстрее и без таких ужасных потерь. К этому и надо готовить наших людей – пусть знают, что самый злобный клан Непримиримых темных эйджел не идет ни в какое сравнение со злобным зверьем, которое только себя считает людьми, а всех

остальных объявило недочеловеками.

Еще 36 часов и 4 подпространственных прыжка спустя. Окраина солнечной системы, 35 градусов над плоскостью эклиптики, на расстоянии 50-ти астрономических единиц от Солнца. (За орбитой Плутона)

Прибытие «Полярного Лиса» в солнечную систему, к которой относится Старая Земля, состоялось без особой помпы и особых же происшествий. Завершение прыжка прошло штатно, никаких массивных объектов, способных помешать финишу, в окрестностях точки прибытия не оказалось, но тем не менее помощник навигатора Корнил Ита вылезла из прыжкового ложементов мокрая, будто пробежала километр с мешком картошки на плечах. Но не успела она тяжело вздохнуть, как у прыжкового ложементов объявилась ее начальница Ванесса Олина – она отправила молодую темную эйджел в душ, на медосмотр и после отдыхать, пока второй навигатор Марина Алексина при помощи астрономических методов будет определять параметры первого внутрисистемного прыжка. Всего таких прыжков будет два, после чего короткий полет в обычном пространстве, выход на круговую орбиту и – «здравствуй, мама, мы приехали». Так что Корнил Ита еще предстояло немного постараться, но зато потом будет долгая пауза. В следующий раз «Полярный Лис» отправится в межзвездный полет очень нескоро, если вообще когда-нибудь отправится.

Но основное внимание сейчас было сосредоточено вокруг главного сигнальщика. Нет, он не засек позывные какого-либо чужого корабля, а просто пытался развернутой направленной антенной поймать хоть какие-то радиосигналы с третьей платы. Серьезный тарданец, не надевал наушники и не крутил короткими толстыми пальцами верньеры настройки; он не двигал ползунковые регуляторы. Радиодиапазон вместо него сканировала сверхчувствительная аппаратура, и она же подвергала перехваченный сигнал декодированию (если, конечно, амплитудную модуляцию можно считать кодированием) и записывала получившийся результат в память. Вообще-то мощных радиостанций, чей голос слышен за семь световых даже с помощью сверхчувствительной аппаратуры, в начале сороковых годов двадцатого века было совсем немного. Пожалуй, это только британская BBC, германская «Немецкая волна», а также советские «Голос Москвы» и «Радио Коминтерна».

Данное первичное прослушивание, пока навигаторы размечают трассу внутрисистемного прыжка, организовывалось не для поиска текущих новостей

(это случится позже), а чтобы установить точную земную дату, ведь без этого в своих детальном расчетах не могли обойтись ни социоинженеры, ни тактики. Правда, по мере приближения к Старой Земле навигаторы при помощи астрономических методов несколько раз уточняли свой расчет, и перед последним подпространственным прыжком их прогноз звучал как «середина 1941 года, плюс-минус двадцать-тридцать дней», что было уже определенной, чем первичный прогноз о «1939-42 годе». Но даже такая точность не отвечала на главный вопрос: «Когда случится прибытие к пункту назначения – до или после ключевой даты 22-го июня 1941 года?».

Хотя и Малинче Евксина, и Ватила Бе на основании изученного ими исторического материала признавали, что прибыть «Полярный Лис» к Старой Земле даже за две-три недели до означенной ключевой даты, никаких упреждающих мероприятий организовать уже не получится. Просто не хватит времени на подготовку и дипломатические переговоры и укрепление своего влияния. Тут год нужен или хотя бы полгода. Все дело в том, что, судя по архивным материалам, привезенным с собой Основателями, военное и политическое руководство страны Эс-Эс-Эс-Эр перед войной переполняла идеологическая спесь – мол, «учение Маркса-Ленина-Сталина всеильно, потому что оно верно», «война малой кровью, на чужой территории». Попробуй вступить с такими в переговоры – и вместо живого и внятного ответа на свои предложения услышишь набор лозунгов и идеологических мантр. И эту спесь с руководства очень большой, по планетарным меркам, страны смогло сбить только неумолимое вражеское вторжение. Тогда неожиданно выяснится, что «единственно верное учение» оказалось бессильным перед рассекающими оборону танковыми клиньями и ордами хорошо натренированных белокурых убийц, а идеологически правильные командиры, красиво шагавшие на парадах и произносившие жаркие речи на митингах, проявили себя как отвратительно плохие полководцы, проигравшие все сражения.

Старший социоинженер Малинче Евксина сказала, что, по первым ее прикидкам, эта война обнажила глубокий кризис, снизу доверху охвативший утратившую гибкость систему управления; а не справившись с этим кризисом, невозможно двигаться дальше. Жизненный потенциал у страны Эс-Эс-Эс-Эр огромный, иначе бы она в прошлом Основателей не смогла бы выиграть эту жестокую войну. А вот государственная пирамида власти, обеспечивающая управление этим потенциалом, устроена до предела грубо, можно сказать, топорно, и переполнена некомпетентными руководителями и исполнителями, и действуют те по составленным давным-давно шаблонам, многие из которых устарели, а многие так никогда и не проверялись на соответствие истине.

И вообще, нанести поражение силам вторжения страны Германия не так уж и сложно. Главный тактик Ватила Бе считает, что для этого достаточно ударами с воздуха парализовать вражескую логистику, разрушить связность фронта и тыла, устроить бойню вражеским воздушным армадам, а потом путем нарушения снабжения и разрушения мостов и колонных путей сорвать стремительные рывки вражеских подвижных соединений, заставив их топтаться на месте. Тридцать имперских космических истребителей и десятков бомбардировщиков в местной войне способны наносить врагу огромные потери, а его инфраструктуре – ужасающие разрушения. Особый эффект будет в том случае, если на ключевых участках фронта к операциям местных подключатся имперские мобильные штурмовые роты, которые, будучи применены в правильном месте в правильное время, способны полностью повернуть ход компании. Это даст стране Эс-Эс-Эс-Эр возможность, сохранив военные формирования мирного времени, полностью провести мобилизационные мероприятия и выставить на фронт армию по численности многократно превышающие силы страны Германия.

Впрочем, Малинче Евксина особо отмечала, что имперские подразделения должны воевать вместе с местными войсками, а не вместо них. Разумеется, в тех случаях, когда войскам страны Эс-Эс-Эс-Эр грозят неоправданно большие потери, придерживаться этого правила надо не так строго, но как только опасность минует, местные силы должны снова быть в состоянии действовать самостоятельно или при минимальной поддержке. Иначе будет невозможно подвинуть руководство страны Эс-Эс-Эс-Эр на преобразование их плохо устроенной государственной машины по имперскому стандарту.

Но все равно очень многое, если не все, зависело от даты прибытия «Полярного Лиса» в систему и вопрос «какое сегодня число?» волновал пока только командира, главного тактика и социоинженера; но вскоре он будет главным для всех в команде. Среди перехваченных записей было несколько, в которых диктор на англичане, дойче или русском языке сообщали о Лондонском, Берлинском и Московском времени и точной дате. Англик и дейч Старой Земли достаточно полно понимали уроженцы Франконии, русским во всех его формах владели все, ибо без его знания не представлялось возможным не только поступить на службу, но даже получить самое простое гражданство третьего класса. И содержание этих новостных передач не оставляло места для сомнений. Вторжение страны Германия в страну Эс-Эс-Эс-Эр началось уже три дня назад.

Лондонское радио после сообщения об отражении налетов германских бомбардировщиков на прибрежные британские города сообщило, что армия злобных гуннов (!!!) глубоко вторглась вглубь территории советской России и что русская армия, истекая кровью, ведет с ними (видимо, с гуннами) ожесточенные сражения на неподготовленных рубежах. «Радио Коминтерна» на русском языке сообщило массовом героизме советских бойцов и командиров и о том, что Красная Армия, в едином порыве выдвигающаяся из глубины страны, готовится разгромить и уничтожить вторгшегося в страну Эс-Эс-Эс-Эр врага. Дейчи, как это у них водится, подвывая и погавкивая, аки злобные псы, под звуки фанфар сообщили, что их победоносный вермахт стремительно продвигается по территории большевистской России, что миллионы трусливых славянских недочеловеков или бегут сломя голову, или, задрвав руки, сдаются в плен.

Лучше бы некто доктор Геббельс этого не говорил. Малинче Евксина, когда прослушала перевод этой записи, только сухо усмехнулась и сказала, чтобы Ипатий перевел этот собачий лай тупого дейча на добротный русский язык, переозвучил бы по голосу и интонациям максимально близко к оригиналу и транслировал воительницам хуман-горхского происхождения из штурмового батальона. Эти милые «девочки», чей бицепс объемистей бедра большинства мужчин, искренне и беззаветно считают себя именно русскими, так как у матерей их забирают в самом раннем возрасте и своей Настоящей Матерью они считают именно Империю, а императора считают своим Настоящим Отцом. После этих оскорблений в адрес русского народа (тем более что это неправда, солдаты страны Эс-Эс-Эс-Эр сражаются с мужественным ожесточением) любым дейчам, которые будут вынуждены воевать с имперскими штурмовыми ротами, придется очень и очень туго. Разумеется, эти воительницы и без того очень хорошо физически развиты, обучены и вооружены, иначе с хуман-горскими гибридами просто невозможно, но искусственно вызванная боевая ярость должна удвоить и утроить их ударный потенциал.

То же относилось и к тем темным эйджел, которые на «Полярном Лисе» служат пилотами в трех истребительных, бомбардировочной и транспортной эскадрильях. Темные эйджел, за исключением полукровок, чьими отцами были новороссы, конечно, не считали себя русскими по крови. Для подтверждения этой истины им было достаточно просто посмотреть в зеркало. Но они считали себя русскими по духу, поскольку являлись частью русского имперского клана, а внутриклановая солидарность у темных эйджел находится на высоком уровне. Таким образом, старший социоинженер Малинче Евксина сознательно создавала образы «своих» и «врагов» среди тех имперских бойцов, которые будут

непосредственно драться с дейчами на земле и в воздухе. Теперь этим дейчам будет настоящее горе, потому что после такой обработки имперские бойцы будут истреблять их без пощады, как и положено поступать с кровными врагами Империи.

Что касается Ватилы Бе, то после того, как корабельные часы были установлены на дату: 25 июня 1941 года и время по Москве: 20:34, снова погрузилась в свою справочно-историческую литературу. Проверив некоторые архивные данные и произведя расчеты, она приняла окончательное решение и заторопилась к командиру. Если немного поспешить, то есть шанс вклиниться в самый удобный момент приграничного сражения и спасти отчаянно сражающиеся, но уже терпящие поражения и отрезанные от командования войска страны Эс-Эс-Эс-Эр, численностью до двухсот тысяч бойцов. Это даже хорошо, что они отрезаны от командования – от некомпетентного командования, которое и привело их к этой катастрофе. Если все сделать правильно и поддержать этих людей, которые вот-вот перестанут представлять из себя единую группировку в их ожесточенном решении сопротивляться до последнего вздоха, то под ее мудрым руководством и при поддержке авиакрыла «Полярного Лиса» они смогут свершить столько, что местным дилетантам и в голову не придет.

Ватила хищно оскалила блестящие белые зубы. Да, пройдет меньше суток, «Полярный Лис» подойдет к Старой Земле – и тогда она в числе прочих станет управлять титаническим сражением, в котором принимают участие миллионы хумансов; и это будут не учения, а настоящая кровавая битва. Пусть берегутся жалкие дейчи – теперь ими займется настоящий специалист с опытом полутора сотен лет противостояния лучшим тактикам Непримириемых. Это вам не генерал Павлов, и не маршал Кулик. Это настоящая смерть – безжалостная и кровожадная...

27 июня 1941 года, утро. Западный фронт, полоса ответственности 10-й армии, Волковыск.

Заместитель командующего Западным фронтом генерал-лейтенант Иван Васильевич Болдин.

Шел пятый день войны. Массированные удары немецкой авиации, натиск пехотных дивизий вермахта на Волковыский перешеек* и ожесточенное

сопротивление частей РККА, пытающихся удержать от схлопывания, узкий, шириной всего двадцать пять километров, коридор у Волковыска, на который давили с севера 161-я и 28-я, а с юга 134-я и 131-я пехотные дивизии немцев. С севера оборонялся потрепанный в предыдущих боях 11-й мехкорпус 3-й армии, с юга оборону перешейка осуществлял также сильно потрепанный предыдущими боями 6-й мехкорпус 10-й армии. Кстати, 134-я пехотная дивизия вермахта, попавшая под его удар, понесла тяжелые потери и была вынуждена отступить, бросив все тяжелое вооружение. Как раз в том сражении на третий день войны погиб командир 6-го мехкорпуса генерал-майор Хацкилевич, который лично на своей «тридцатьчетверке» поддержал атаку советской пехоты.

Примечание авторов: * В ходе отступления 25-30 июня из Белостокского выступа 10-я и 3-я армии РККА в качестве транспортно магистральной могли рассчитывать только на одно-единственное шоссе Белосток-Волковыск-Слоним-Барановичи. Эта магистраль пересекает сразу три водные преграды с топкими болотистыми берегами, которые отступающим войскам следовало преодолеть. Во-первых – протекающую через Волковыск реку Рось; во-вторых – протекающую через Зельву реку Зельвянку; в-третьих – протекающую через Слоним реку Щара. Каждая такая река означала необходимость проводить огромные массы людей и техники через мосты и, соответственно, возникающие вокруг них заторы и пробки, весьма привлекательные для германской авиации в качестве целей. При этом надо учесть, что командарм-10, генерал Голубев, управленческие таланты имел «ниже среднего» и, отдав приказ на отступление армии, самоустранился от дел, пустив дела на самотек и на произвол прочих начальников, включая того же замкомфронта генерала Болдина.

При этом уже 25 июня, когда советским армиям только-только был дан приказ отходить, 47-й моторизованный корпус немцев уже взял Слоним и перерезал единственную дорогу, по которой советские войска могли бы отойти из Белостокского выступа. Чтобы Красная армия не могла отбить Слоним обратно и тем самым нанести удар по тылам 2-й танковой группы, в нем остановилась 29-я моторизованная дивизия – для обороны перевернутым фронтом на запад по рубежу реки Щара.

Положение осложнялось и тем, что невозможно вывезти предназначенные для снабжения двух армий* склады топлива, боеприпасов, продовольствия и амуниции. В случае если нет дорог, то вполне возможно вывести из окружения по лесным тропам хотя бы живую силу, солдат и командиров. Если есть дороги, то вполне реально попытаться сохранить при отступлении танки,

броневые автомобили и артиллерийские орудия, но при этом окажется, что артиллерия и танки без топлива и снарядов – это груда металлолома, и не более. Боец без патронов и гранат – потенциальный военнопленный или дезертир. В настоящий момент, когда на дне баков еще плещутся остатки горючего, в боеукладках танков имеется по десятку снарядов, а в подсумках у бойцов осталось по несколько винтовочных обойм, войска сражаются с фашистами яростно и ожесточенно. Но как только закончатся взятые с собой запасы (а все склады находятся западнее Белостока, на территории, уже контролируемой врагом), войска тут же потеряют всю свою боеспособность.

Примечание авторов: * на утро 22 июня 1941 года это 11 стрелковых, 2 кавалерийских, 6 танковых и 3 моторизованных дивизии – всего 276 тысяч бойцов и командиров при 1550 танках и 7000 орудиях и минометах.

Хуже всего то, что немецкая авиация, господствующая в воздухе, в первую очередь охотится за автоколоннами снабжения, на которые погружен тот неприкосновенный запас, что удалось вывезти с бросаемых или уничтожаемых складов. С каждой уничтоженной вражескими стервятниками машиной, с каждым новым боем этот запас необратимо уменьшается; и как только он иссякнет окончательно, 3-я и 10-я армии прекратят существование в качестве организованной вооруженной силы. Впрочем, когда немецкие летчики не находят автомобильных колонн, они с не меньшим азартом долбят по войскам, непрерывным потоком идущим через Волковыск на восток, при этом застревают в пробках перед рекой. Вот и сейчас завывали сирены тревоги, по пыльным улицам забегали перепуганные местные жители, ища любую возможность, чтобы в последний момент укрыться от верной смерти, рушащейся с небес. Очевидно, что, углядев скопившиеся у переправы автомашины, немцы в очередной раз решили совершить на Волковыск авиационный налет. Но именно в этот момент что-то пошло не так...

– Товарищ генерал, смотрите! – задрал к небу голову, крикнул адъютант, который первым выскочил из машины в поисках места возможного укрытия от бомбежки.

Генерал Болдин поднял голову и застыл от удивления. Из зенита, оставляя за собой тонкие белые полосы инверсионных следов, навстречу девяткам «юнкерсов» стремительно пикировали четыре яркие точки. Мгновение – и под этими точками в воздухе появилась мелкая рябь – казалось, будто из перечницы вытрясли крупинки черного перца. Генерал протер глаза. Однако необъяснимое

явление никуда не исчезло; наоборот, происходящее становилось все более удивительным. Глядь – точки уже превратились в самолеты совершенно невообразимого вида, больше всего напоминающие наконечники стрел; обтекаемые, остроносые, со сложенными назад крыльями, они пикировали прямо на Волковыск. Генерал и его адъютант с изумлением разглядели, что мелкие перчинки – уже не перчинки, а такие же обтекаемые стреловидные снаряды*, которые вели себя не менее странным образом, чем самолеты – выпустив крылья, они прекратили беспорядочное падение и теперь вполне осмысленно и управляемо направились на перехват германских бомбардировщиков. Герои люфтваффе уже, кажется, поняли, что в небе появилась необъяснимая и смертельная опасность для них, но что они могли поделать, когда внезапно поняли, что оружие, атаковавшее их, значительно умнее, быстрее и маневреннее их «юнкерсов»?

Примечание авторов: * В качестве средства поражения тихоходных и неманевренных поршневых бомбардировщиков со стороны передней полусферы использовались планирующие боевые блоки, первоначально предназначенные для поражения подвижных наземных объектов и боевых машин темных эйджел. Таким образом, мощь плазменного заряда в боеголовке тоже была рассчитана не на хрупкие дюралевые конструкции «юнкерсов» и «мессершмиттов», а на тяжело-бронированные антигравитационные транспортеры темных эйджел.

– Ну не буя ж себе! – непроизвольно выругался генерал Болдин в тот момент, когда полыхнувшая в небе ярчайшая вспышка первого разрыва заставила его зажмуриться, спасая глаза от пляшущих розово-фиолетовых «зайчиков». Вслед за первой рванула, вторая, третья, четвертая ...надцатая боеголовка, с небес на землю посыпались пылающие комья, мелкие обломки и жирный липкий пепел. И ни одного «одуванчика», то есть парашюта. Плазменные боеголовки самонаводящихся ракет – это слишком суровая штука, чтобы после ее применения могли остаться выжившие.

Когда генерал Болдин смог проморгаться и поднять глаза к небу, там уже не было ни одного вражеского самолета, а наблюдались лишь постепенно расплывающиеся облака жирного черного дыма и столбы такого же дыма, поднимающиеся от земли – с того места, куда рухнули пылающие обломки. И сразу же над головой генерала с тихим свистом пронеслись успевшие расправить крылья два самолета неизвестного типа – из тех самых, что совсем недавно так лихо расправились с бандой «юнкерсов». При этом на их крыльях (примерно 35 градусов стреловидности) отчетливо виднелись опознавательные

знаки в виде пятиконечных красных звезд. Кроме всего прочего при ближайшем рассмотрении становилось понятно, что эти машины имеют просто огромный размер – не меньше, чем у тяжелого бомбардировщика ТБ-3, и абсолютно не похожи на обычные самолеты, имеющие моторы с винтами. Но все равно красные звезды на крыльях вселяли уверенность, что на помощь избиваемым с воздуха советским войскам пришли новейшие советские засекреченные машины, мощь каждой из которых равнялась полку, если не дивизии.

Между тем в небо, раскрыв рот, смотрел не один генерал Болдин. Внезапно над Волковыском прогремело ликующее «Ур-ра!», время от времени перемежающееся с кличем «Наши!». Советским бойцам и командирам, измученным пятью днями непрерывных боев и за все это время не видевшим в небе ни одного советского истребителя, теперь казалось, что все будет хорошо, что вероломно напавшего врага вот-вот разобьют и погонят обратно в Европу. Однако все было далеко не так просто, как это представлялось наблюдавшим эту картину советским бойцам, командирам и генералам. Впереди предстояла тяжелая, несмотря на помощь извне, война с ожесточенными боями и потерями, ибо никто, кроме советских бойцов и командиров, не сможет остановить, разгромить и обернуть движение девятого вала войны вспять. Пришельцы с небес могут посоветовать, помочь, научить и, наконец, встать рядом с ними плечом к плечу, но они не могут воевать вместо РККА, для этого их слишком мало.

Генерал Болдин, например, тоже еще не знает, что именно с ним с первым, как с замкомфронта, выйдут на связь небесные пришельцы, предложив свою помощь в разворачивающейся ожесточенной битве. И что, возможно, именно он возьмет на себя руководство всеми окруженными войсками, а потом с предложением сотрудничества полетит в Москву к Сталину и Шапошникову. Впрочем, кто полетит в Москву, еще не решено. В качестве кандидатуры для этой ответственной миссии есть еще командарм-3 Кузнецов, пробивающийся из окружения севернее, и есть выходящий из окружения в составе штаба 10-й армии генерал-лейтенант инженерных войск Карбышев.

А вот и немцам с этого момента уже не светит ничего хорошего, и четыре девятки «юнкерсов», уничтоженных в небе над Волковыском были в этом деле только первым уловом. А может, даже и не первым, так как в данное время были задействованы уже двенадцать пар космических истребителей, перед которыми Ватила Бе поставила задачу сбить спесь с люфтваффе и, по возможности, захватив локальное господство в воздухе на ключевых участках противостояния,

максимально ослабить в этих точках давление с неба на войска страны Эс-Эс-Эс-Эр. Тем более что имперские космические истребители, не нуждающиеся в частых дозаправках, могут барражировать над защищаемыми участками от рассвета до заката – хватало бы выносливости у пилотов. А выносливости у темных эйджел хватало; в дальних космических патрулях, при специальной медикаментозной обработке до полета и продолжительном сне после, они могли проводить по несколько суток без сна и отдыха. Но здесь таких подвигов не требовалось, и барражировать над защищаемыми объектами предписывалось не более чем по восемнадцать часов в сутки.

27 июня 1941 года, полдень по Москве. околоземная орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

Ватила Бе испытывала острые, почти сексуальные ощущения. Ее глаза горели, а сердце громко стучало, то и она облизывала горячие губы. Это была ее стихия – она дирижировала действиями истребительных пар и отдельных бомбардировщиков, наносящих точечные бомбоудары, которые за счет своей мобильности и огневой мощи контролировали огромную территорию – от побережья Балтики до предгорий Карпат; а именно там и разыгралось эпическое по масштабам сражение. Наземные битвы с Непримируемыми кланами эйджел, в которых некогда довелось участвовать Ватиле, по своему размаху были гораздо скромнее. Никогда общее число участников сражения за оспариваемые планеты не превышало ста тысяч бойцов с обеих сторон. А тут против двух миллионов обороняющихся в приграничной полосе войск страны Эс-Эс-Эс-Эр (которые Ватила уже воспринимала как «свои») выступали войска страны Германия общей численностью в четыре с половиной миллиона.

Ожесточение развернувшегося сражения было видно даже из космоса, как и тактические ошибки обеих сражающихся сторон. Однако некоторые действия войск страны Эс-Эс-Эс-Эр, с точки зрения Ватилы, едва ли можно было назвать ошибками, ибо имя им – преступление и предательство. Но солдаты, выполняющие глупые и прямо преступные приказы, не были виноваты. Всю полноту ответственности следовало нести их начальникам.

Впрочем, непосредственно картину битвы приходилось наблюдать нечасто. Во время первого витка, сразу после прибытия, такая возможность была – «Полярный Лис» прошел над восточноевропейской равниной (являющейся ближним тылом страны Эс-Эс-Эс-Эр), позволяя Ватиле непосредственно видеть

развернувшись по левому борту эпическую битву Добра со Злом. Второй виток полтора часа спустя пришелся над западными районами страны Германия, а третий виток и вовсе захватил лишь океан западнее Британских островов. Но тем не менее наблюдать ход сражения из космоса не представляло большую проблему. Когда «Полярный Лис» еще только подходил к парковочной орбите, несколько малых шаттлов, стартовавших с его борта, начали вывешивать над планетой Земля сеть из разведывательных и связных спутников, включая геостационарные. Теперь, благодаря этому, в какой бы точке своей орбиты ни находился «Полярный Лис», на большом тактическом планшете Ватилы Бе в реальном масштабе времени во всех деталях отражалась обстановка на фронтах – вплоть до действий отдельных батальонов и даже рот, признаки существования которых можно обнаружить при помощи спутниковой разведки.

Видели бы эту «игрушку» со встроенным искусственным интеллектом в Генеральном Штабе РККА – захлебнулись бы слюной от жадности. Ватила знала, что сейчас там, благодаря деятельности комфронта Павлова, обстановка на западном направлении неизвестна вообще, то есть абсолютно. Хуже того – из-за разрушения системы связи (основанной на проводных телефонных линиях) и повальной радиобоязни эта обстановка неизвестна даже в самом штабе Запфронта, армии которого разгромлены и в беспорядке отступают на восток. К тому же штабы отступающих армий недееспособны – они не управляют корпусами, не представляя их текущего месторасположения, а штабы корпусов – дивизиями. И только на уровне дивизия-полк отчасти имеется хоть какая-то координация и управляемость. Но так или иначе, а без централизованного командования эти люди могут только слепо выполнять последний известный им приказ – пробиваться на восток. Такое положение требовалось непременно исправить – и Ватила собиралась заняться этим в самом ближайшем будущем. Но пока время для наземной операции и дипломатических контактов не пришло. Еще не до конца сказали свое слово ее «сестры» – темные эйджел, пилоты истребителей и бомбардировщиков «Полярного Лиса».

27 июня 1941 года, полдень по Берлину. Шоссе Брест-Минск, 20 км западнее Барановичей.

Командующий 2-й танцергруппой – Гейнц Гудериан

Гейнц Гудериан, тяжело дыша и то и дело нервно проводя рукой по лбу, стоял у шоссе, заставленного почерневшими, обгоревшими остовами того, что еще

недавно было панцерами, грузовиками и бронетранспортерами 17-й панцердивизии. Он не мог понять, на каком свете находится – на том или на этом. 17-й панцердивизии больше не существовало. Сгорела дотла на подходе к линии фронта, уже готовая к вводу в прорыв под Барановичами и броску на Минск. По словам немногочисленных выживших свидетелей и очевидцев, сделал это всего один вражеский бомбардировщик, который прошел над дорогой на большой высоте и с огромной скоростью. Обычные самолеты так не летают. Невероятно, но факт, что летел этот самолет неизвестного типа прямо вдоль дороги, на высоте около десяти километров, со скоростью примерно две тысячи километров в час.

Никто не мог и предполагать, что на такой скорости и с такой высоты возможен прицельный бомбовый удар, поэтому приказа остановиться и рассредоточиться не поступало. Командир дивизии генерал-лейтенант Ганс-Юрген фон Арним, видимо, посчитал, что раз вражеский самолет не стал разворачиваться и снижаться для атаки, то вверенным ему войскам ничего не грозит. Дивизия и так опаздывала, спеша на помощь своей передовой кампфгруппе, составленной из подразделений мотоциклистов и разведывательного батальона, которая вела бой с контратакующей свежей большевистской стрелковой дивизией на подступах к Барановичам. В результате через несколько минут после пролета того неизвестного самолета (предположительно бомбардировщика) на дорогу просыпался град из продолговатых обтекаемых крылатых снарядов, которые, будто живые, сами выбирали себе цели для атаки. Ни один не прошел мимо – каждый такой снаряд обязательно поразил танк, бронетранспортер, грузовик с солдатами или же пушку.

Те немецкие солдаты, что чудом выжили в этом аду, сумели вовремя выпрыгнуть из машины, отползти и вжаться в землю; и те кому просто повезло, говорят, что все это было сущим кошмаром. Скользящие над дорогой темные тени, будто хищники, выбирающие себе жертвы, ярчайшие взрывы-вспышки, по звуку похожие на гром от удара молнии; крики еще живых немецких солдат в пылающих мундирах, убегающих в лес и орущих от дикой боли. Казалось, будто демоны вылезли из Преисподней и присоединились к русским в их ожесточенном сопротивлении, круша немецкие войска своей потусторонней мощью. В эпицентре удара от частых разрывов стоял такой жар, что от него с техники слезла краска, а металл под ней покрылся радужными разводами побежалости – действительно, сам ад воплотился на этом участке земли, чтобы отбросить прочь немецких завоевателей. Даже сейчас, несколько часов спустя после того кошмара, тут, на дороге, стоит сладковато-удушливый запах горелого человеческого мяса; смешиваясь с острым запахом горелого железа и

бензиновым угаром, это жуткое амбре вызывает у генерала першение в горле и рвотные позывы.

При прямом попадании такого снаряда в грузовик с солдатами от него не остается ровным счетом ничего, кроме брызг расплавленного металла, в которые превратились двигатель и рама. При попадании в танк видно, что раньше это был танк – но не более того. Оплывшая от невероятного жара сплавившаяся металлическая болванка с разбегающимися из-под нее ручейками потекшей стали. И трупы, трупы, трупы немецких солдат и офицеров – зачастую обгоревших до костей или вообще сгоревших дотла. Демоны хорошо знают свое дело.

Гудериан протер слезящиеся глаза. Затем поежился и судорожно сглотнул. Ведь он сам собирался прибыть на КП дивизии, чтобы оценить обстановку, и так уж получилось, что разминулся со смертью всего на каких-то два с половиной часа. Командование дивизии погибло в полном составе. Погиб генерал-лейтенант Ганс-Юрген фон Арним, погиб его заместитель генерал-майор Карл Риттер фон Вебер. Сложили головы и множество других храбрых и опытных офицеров. Потери не просто танки, вместе с ними потеряно самое ценное – опытные экипажи довоенной выучки, полностью прошедшие польскую и французскую кампании. Пока это не катастрофа, просто очень тяжелый удар. Подобных дивизий у Германии еще много, но если дело пойдет и дальше таким же образом, то ничего хорошего впереди уже не ждет. Пока единственной мерой противодействия, какая приходит в голову, является возможность рассредоточить свои силы, чтобы они не представляли собой единой цели, перемещаться мелкими группами и надавить, черт возьми, на этот чертов абвер и этого чертового Канариса, чтобы те наконец выяснили, что это было и как с ним бороться. А то после вторжения в Россию начали вдруг выплывать разные внезапные неожиданности... Сначала неуязвимые русские танки KV и почти неуязвимые Т-34, о которых его, Гудериана, разведка даже не поставила в известность, а теперь еще и вот это нечто, способное истреблять немецкие войска на марше целыми дивизиями...

Тогда же. Околосредняя орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

Старший (и единственный) социоинженер «Полярного Лиса» Малинче Евксина.

Случившееся с нами чрезвычайное происшествие, конечно же, не могло не оказать стрессового действия на всех членов экипажа нашего крейсера. И, хоть внешне все соблюдали спокойствие, я знала, что они крайне взволнованы, даже наш внешне непробиваемый и по-олимпийски спокойный командир. А когда мы приняли решение, что должны изменить историю того мира, в который попали (то ли волей Случая, то ли, как говорят наши темные сестры и хумансы, волею Высших Сил), на наши хрупкие человеческие плечи ко всему прочему упала огромная ответственность. В первую очередь, эту ответственность чувствую я сама, ведь именно социоинженер ищет ключи для преобразования с минимальными потерями одной системы в другую и составляет конкретные планы, которые приводят в исполнение тактики, экономисты и дипломаты.

По-другому нам поступить никак нельзя. Все мы являемся детьми породившей и вскормившей нас Империи, и наш священный долг предписывает нести ее основы во все миры, куда бы мы ни попали. Правда, мне известен только один случай, когда корабль забрасывало в другой мир – и этот случай как раз и стал причиной основания нашей Империи. Нет такого гражданина или даже пеона, который не знал бы истории, случившейся с линкором «Несокрушимый», перенесшемся из своего мира в наш в результате прыжка на аварийном джамп-генераторе. Как раз следствием той истории стало появление императора Шевцова, основание Империи, а также превращение планеты За-о-Дешт в Новороссию. Хоть во мне нет ни капли русской крови, но все равно я чувствую себя русской по духу, ибо такова сила имперского воспитания. Впрочем, не факт, что случаи, подобные нашему, никогда прежде не происходили с кораблями Империи. Ведь бывало же такое, что корабли просто бесследно пропадали, и никому неизвестна их дальнейшая судьба – постигла их какая-нибудь катастрофа и они безвозвратно погибли в суровом космосе или же их, как и нас сейчас, просто закинуло в другой мир, где их команды были вынуждены выполнять те же Основные Директивы, что и мы в настоящий момент...

Анализируя свои ощущения, я пришла к выводу, что случившееся как раз соответствует тому, о чем я постоянно мечтала на подсознательном уровне. Мне всегда хотелось проявить свои способности в полной мере, испытать себя в нештатной ситуации и выяснить, способна ли я на великие свершения, или мой удел – балансировка узкого высокопрофессионального коллектива нашего «Полярного Лиса»... Да, всю свою жизнь я была в какой-то степени перфекционисткой. Свою работу я всегда стремилась выполнять на «отлично», так, чтобы в ней было невозможно найти хотя бы один изъян. Мне нравилось, что начальство всегда мной довольно, что коллеги меня уважают и ценят. Да, мой перфекционизм порой переплетался с тщеславием (как это обычно и бывает), и

мне то и дело приходилось проводить работу на собой, чтобы, как выражались наши педагоги, «вернуть адекватную самооценку». Что ж, это обычная проблема социоинженеров, и специалистам в этой области рекомендуется проводить самоанализ не реже, чем раз в три дня.

Конечно же, на факультет социоинженерии принимали далеко не всех желающих. Для этого надо было пройти довольно замысловатые тесты Профориентации и вступительные испытания. В нашей Империи будущее каждого гражданина в наибольшей мере определяли врожденные способности и личностные качества. И я поступила туда без особого труда. В отличие от некоторых, я уже заранее знала, что быть социоинженером – мое призвание; я собиралась добиться успеха в своей профессии. Я всегда обладала решительностью, целеустремленностью, мне нравилось изучать взаимоотношения людей. Что может быть интересней этого? Словом, я отдавалась своей работе с упоением, получала от нее удовольствие и была намерена покорять все новые и новые профессиональные вершины. И неосознанно я ждала такого уникального случая, чтобы мой талант проявился в полной мере и был оценен по достоинству...

Вообще я являлась приверженкой любопытной теории, что и на способности, и на склад характера в некоторой степени влияет и тот набор звуков, который мы называем именем – своеобразный код, задающий некоторые личностные характеристики. Мое имя было совершенно уникальным не только среди эйджел, но и среди хумансов, хотя имело оно как раз хумансовское происхождение. Это все моя мать... Ей нравились древние хумансовские предания, которые пришли к нам вместе с Империей. Она рассказывала, что когда-то на Старой Земле некий завоеватель отправился через океан покорять другой континент. А поскольку в ту древнюю пору ни о каких полетах (а тем более о космических) никто даже не помышлял, для обитателей Старой Земли того времени это было все равно что пересечь галактику.

И там, на другом континенте, этот завоеватель встретил местную девушку – она была еще более дикая, чем сами пришельцы. Но она оказалась умной и способной, и к тому же отличалась необыкновенной красотой – и он женился на ней. Ее звали Малинче... Она очень быстро освоила обычаи пришельцев и выучила их язык, и потом помогала мужу общаться со своими соплеменниками и вести с ними дела. Вот в честь нее меня и назвали. Других женщин с таким именем в истории этой планеты не было, так как завоеватели принесли покоренным народам свои имена, а их культуру полностью уничтожили...

Уж не знаю, почему мать так впечатлилась этой историей, но имя явно наложило на меня определенный отпечаток. Иногда даже, стоя перед зеркалом, я пыталась вообразить себе, как выглядела та, другая, первая Малинче – эта представительница исчезнувшего народа хумансов... И могла ли я подумать тогда, что Великому Духу Вселенной однажды будет угодно забросить меня вместе с товарищами как раз на эту планету, колыбель основателей Империи? Собственно, концепция Сверхразума позволяла мне, как и многим другим, пребывать в уверенности, что случайностей не бывает и все мы выполняем некий высший промысел – но тем не менее такая неожиданность изрядно обескураживала меня, ведь до этого полета я фактически не имела опыта большой самостоятельной работы... Да, я участвовала в проектах планетарного масштаба, но это происходило под руководством старых и опытных эйджел-социоинженеров, помнивших еще императора Шевцова и даже времена до него и до Империи.

И вот теперь у меня захватывает дух от осознания той ответственности, что легла на мои плечи. Да, я считаюсь готовой к управлению человеческими отношениями внутри коллектива в количестве до пятисот человек различных рас, и на «Полярном Лисе» у меня это неплохо получалось. Но теперь нам предстоит повернуть судьбу Старой Земли в сторону основания новой Империи, и именно я должна буду руководить процессом перестройки сознания ее обитателей... Это будет нелегко, поскольку это сознание засорено ложными штампами, которые эти хумансы считают истинами в последней инстанции. Мне необходимо изучить эти враждебные Империи идеологемы и дать на них достойный ответ, который приговорит их к уничтожению. На планете должна господствовать только идеология Империи, идеология социального равенства по происхождению и персональной ответственности, социального созидания и синтеза культур, братства по крови всех представителей рода homo, способных давать общее потомство, и великого будущего объединенной расы, которая когда-нибудь образуется на месте конгломерата различных разновидностей хумансов, эйджел и горхов. Ради этой цели стоит жить и бороться. Ради нее же все остальные идеологемы стоит отбросить во тьму внешнюю, как опасные заблуждения; и сделать это должна именно я, старший социоинженер разведывательно-ударного крейсера, Малинче Евксина.

Когда я смотрю на раскинувшуюся под нами бело-голубую планету, то думаю, что там, внизу, сейчас, пожалуй, проживает никак не меньше двух с половиной миллиардов хумансов самых разных разновидностей! Можно сказать, что это галактика в миниатюре – настолько все они разные, эти народы. Их мысли и эмоции для меня как какофония, как скандал на рынке, когда каждый кричит

свое и не слышит своих соседей. И эти два с половиной миллиарда втянуты в кровавую и разрушительную войну. Свой страх перед предстоящей миссией я пытаюсь заглушить мыслью о том, что вот он – тот шанс проявить себя, о котором я всегда мечтала (впрочем, не думая, что он представится так скоро и таким вот неожиданным образом). Как говорят новороссы – «глаза боятся, а руки делают». Меня же учили всему, что я должна знать и уметь для этой работы. К тому же от матери-эйджел мне досталась идеальная память и соответствующие таланты, а от отца-хуманса – живое объемное воображение. Я справлюсь, я обязательно справлюсь – и тогда имя Малинче Евксины окажется прославленным на века...

Если бы моя мать знала, какой труд и какую ответственность мне пришлось взвалить на свои плечи, она непременно гордилась бы такой дочерью, как лучшим порождением клана-корпорации «Белый Туман». Но все же как бы мне хотелось однажды вернуться на родную Латину, снова увидеть мать, тетушек, двоюродных и родных сестер, в белесой дымке пройтись босиком по берегу моря, чтобы смуглые детишки хумансов, плещущиеся в теплой как молоко воде, шептались у меня за спиной «это сама великая Малинче»... Ну ничего, здесь, на Старой Земле, есть народы, родственные народу моего отца, и я смогу устроить из них Латину в миниатюре; да и насчет моей настоящей родины тоже не стоит зарекаться. Какие мои годы – ведь однажды Империя придет и на Латину этого мира, а я к тому времени буду еще совсем не старой, чтобы посетить места моего детства... Или, может, лучше не стоит, потому что нельзя дважды войти в одну и ту же воду...

27 июня 1941 года, около 14-00 по Москве. Северо-Западный фронт, полоса ответственности 21-го мехкорпуса, село Аглона 40 км. восточнее Даугавпилса.

Командующий мехкорпусом генерал-майор Дмитрий Данилович Лелюшенко.

25-го июня наш корпус наконец получил приказ выступить навстречу врагу и занять оборону по Западной Двине в районе города Даугавпилса, в полосе от Ницгале до Краславы. С учетом всех извивов речного русла это почти сто километров по фронту; то есть по Боевому Уставу Пехоты от 1938 года такую полосу обороны должен занимать не механизированный корпус, предназначенный для ведения маневренной войны, а полнокровная общевойсковая армия, имеющая в составе не менее трех стрелковых корпусов. Но, видимо, в эти первые, самые горячие дни войны, у командования не нашлось

поблизости необходимого количества стрелковых дивизий; при этом соединения, прикрывающие границу, будучи разгромленными, в беспорядке отступали. В это, конечно, очень не хотелось верить, но иначе как уже на третий день войны могла возникнуть угроза форсирования противником Западной Двины?

Но приказы в армии не обсуждаются, а выполняются, поэтому под непрерывными вражескими бомбежками наш корпус выступил к назначенному рубежу. Оба дня – 25-го и 26-го июня – подразделения нашего корпуса, продвигающиеся по проселочным дорогам в направлении Западной Двины, подвергались постоянным атакам вражеской авиации. Под бомбами гибли бойцы и командиры, а также выходила из строя техника, которую нам приходилось бросать, чтобы она не задерживала нашего продвижения. К тому же 26-го числа стало известно, что, внезапным рывком покрыв оставшееся расстояние, танки противника ворвались в Даугавпилс, в котором от гарнизона осталось всего две роты, и что отчаянные попытки двух бригад 5-го воздушно-десантного корпуса, спешно подтянутых к городу, восстановить положение не увенчались успехом. Винтовки и пистолеты-пулеметы против танков – это совсем не то, что я назвал бы равными силами. Возможно, командование считало, что прибытие нашего корпуса переломит обстановку в пользу советских войск и позволит освободить Даугавпилс, восстановив линию фронта по реке Западная Двина.

Вот так мы и шли на помощь нашим сражающимся товарищам, теряя под бомбами людей и технику, при этом за все время с начала войны мы не видели в воздухе ни одного советского истребителя. Да с самого 22-го июня мы не видели ни одного нашего самолета, хотя от немецких машин в небе было буквально черным-черно. Но утром 27-го июня все изменилось. Вдруг выяснилось, что наш корпус взят под надежную защиту с воздуха, которая легко посбивала немецких стервятников, терроризирующих наши колонны, и установила в небе свои порядки.

Этими небесными защитниками оказались два престранных остроносых аппарата белого цвета, которые стремительными краснозвездными молниями обрушились на «юнкерсы», осыпая их густыми бело-голубыми трассами своих лучей смерти. Мы сами видели, как от прикосновений этих лучей вспыхивали немецкие самолеты, как отлетали от них крылья и хвосты, отрезанные с такой легкостью, будто сделанные из бумаги, как из еще совершенно целых вражеских машин стали выбрасываться с парашютами экипажи, потому что в голубом небе их ждала верная смерть.

Здравшие головы бойцы устали кричать «Ура», провожая к земле каждого сбитого стервятника, а наши небесные защитники заходили во все новые и новые атаки. Остроносые мстители были безжалостны; и пока в небе над нашими головами был хоть один стервятник с крестами, они не прекращали своих смертоносных атак. Да и потом, когда все закончилось, они время от времени возвращались – только для того, чтобы, растопырив крылья с большими красными звездами, с легким свистом и шелестом, так непохожим на звук обычных моторов, пролететь вдоль наших колонн, показывая, что теперь мы под их надежной защитой. Думаю, что не я один подумал, что с таким надежным прикрытием с воздуха воевать можно, и еще как можно.

Вскоре ко мне привели сбитого немецкого летчика, которого наши бойцы поймали в лесу. От испуга он был бледен как лист писчей бумаги, белокурые волосы слиплись от пота безобразными сосульками, а тонкие губы тряслись, едва выговаривая слова. Тогда я подумал, что именно так и должен выглядеть сверхчеловек, в одночасье превратившийся в дрожащую от животного ужаса тварь.

– Вы, русские, воюете не по правилам, – шмыгая сопливым носом, заявила мне через переводчика эта мокрая курица Геринга, – лучи смерти, которые вы только что против нас применили, запрещены Гаагской конвенцией как абсолютно негуманное оружие. Германское правительство будет жаловаться, оно расскажет всему миру о ваших злодеяниях и потребует наказания всех виновных в жестоком убийстве немецких летчиков...

«Ишь ты, поганая сопля... – подумал я, – как бомбить беженцев или мирные города, так все нормально, а как по мордам получили, так сразу про Гаагскую конвенцию вспомнили, гуманоиды позорные. А этот еще и пованивает премерзостно – обосрался, что ли, от большой неожиданности? Расстрелять бы его у первой осины за то, что они тут творили вчера и позавчера, да нельзя. Пусть живет, гад, и видит, как мы им и дальше морды бить будем. То, что случилось сегодня, это еще цветочки, дальше будет еще веселее...

Одним словом, остаток нашего марша к Даугавпилсу прошел относительно спокойно. Германская авиация нас больше не донимала, тем более что и наши неутомимые защитники были рядом, то снижаясь к самым верхушкам деревьев, то уходя куда-то в запредельное поднебесье, откуда хорошо просматривались ближние и дальние окрестности.

Чем ближе мы подходили к Даугавпилсу, тем отчетливей слышались звуки канонады, в которую на ближних подступах начала вплетаться ружейно-пулеметная стрельба. Командовал боями за город помощник командующего Северо-западным фронтом генерал-лейтенант Степан Дмитриевич Акимов, собравший вокруг себя сводную группу из различных отступающих частей, к которой потом присоединились 9-я и 201-я бригады 5-го воздушно-десантного корпуса, не имеющие тяжелого вооружения. Штаб сводной группы располагался в селе Аглона, в непосредственной близости от железной и автомобильной дорог Даугавпилс-Резекне. В состав этой сводной армейской группы, штурмующей Даугавпилс, до особого распоряжения предстояло войти и нашему 21-й мехкорпусу.

Как выяснилось, первые попытки отбить город передовыми отрядами предпринимались еще вчера, но против больших масс вражеской мотопехоты и танков советские десантники с легким оружием оказались почти бессильны. Но сегодня утром тут тоже произошли большие изменения. Во-первых – как и в нашем случае, с неба разом были убраны все фашистские самолеты, обломки которых теперь украшают окрестности. Во-вторых – небесные защитники проявили еще одно, весьма неприятное для немцев свойство запускать планирующие снаряды, которые весьма метко поражают вражеские танки и бронетранспортеры. В-третьих – к Даугавпилсу подошел наш корпус – а значит, соотношение сил снова изменилось и не в пользу немцев.

Правда, танки у нас исключительно легкие, чуть больше полутора сотен БТ-7 и три десятка огнеметных Т-26. Настоящих танков, то есть Т-34, у нас только два, и бережем мы их как зеницу ока. Но все равно с легкими или даже средними танками лезть в городскую застройку против изготовившейся к обороне вражеской пехоты и противотанковой артиллерии как-то не хочется. Даже после подхода нашего корпуса у врага сохраняется некоторый численный перевес, а по боевому уставу атакующие должны иметь над обороняющимися как минимум трехкратное превосходство. Правда, не может не радовать то, что вражеский перевес постепенно сходит на нет при активном содействии небесных защитников.

Вот, только что, один из защитников углядел что-то на вражеских позициях и сбросил в сторону города два темных обтекаемых снаряда. Было хорошо видно, как у них прямо в полете расправились крылья и, прекратив падение, две темные тени стали планировать в сторону города, покачиваясь из стороны в сторону, будто высматривая, на кого бы им напасть.

– Только не смотри в ту сторону, Дмитрий Данилович, – отворачиваясь в сторону, предупредил меня генерал-лейтенант Акимов, – а то так и ослепнуть недолго.

Я опустил бинокль (к счастью) и хотел было переспросить, от чего это можно ослепнуть, как вдруг там, куда спланировали снаряды, полыхнули две яркие бело-голубые вспышки – примерно как от электросварки, но только в тысячу раз мощнее. Смотри я туда в бинокль и не отведи при разговоре взгляд в сторону генерала Акимова – и в самом деле мог бы ослепнуть; а так отделался легким испугом, то есть пляшущими в глазах розово-фиолетовыми зайчиками. А секунд пятнадцать спустя раздался короткий сухой гром, примерно как от сдвоенного удара молний, ничуть не похожий на разрывы обычных артиллерийских снарядов.

– Вот так с самого утра, – сказал мне Акимов, – эти, «белые», как немецкие самолеты разогнали, так сразу принялись охотиться за танками, ну или там скоплениями пехоты. Углядел что-то и пустил пару снарядов – а каждый снаряд, между прочим, как главный калибр у линкора. Попал – и сразу все в дым. Я даже приказал пока не атаковать; пусть эти, белые, посильнее ослабят немчуру, а мы пока с тобой, Дмитрий Данилович, доложим обо всем командованию, подтянем силы и подготовимся к штурму.

Я не ответил и только глядел на два рдеющих комка металла, которые только что были немецкими танками. Ага, наши-то неведомые защитники все в белом в небе, а мы по уши в грязи на земле... Лучи смерти эти опять же, снаряды эти от которых за пять километров ослепнуть можно... А каково немцам, когда такое рядом с ними рвется? Сразу обгорают до костей или только шкура лохмотьями слазит? Но это я так, к слову. Спасибо защитникам и за то, что они уже сделали и продолжают делать.

Но тут вот ведь какое дело. В секретных лабораториях и КБ можно, конечно, сделать многое, в том числе новейшие танки, самолеты без моторов (которые тем не менее летают даже лучше обычных), и даже «лучи смерти», но там невозможно изготовить людей, для которых война была бы такой же естественной, как дыхание... Вот эти небесные защитники, которые сначала очистили небо над нами от немецких самолетов, а потом взялись расчищать перед нами дорогу от вражеских танков – они на самом деле, как мне кажется, солдаты такой войны, которая началась в поколение их дедов-прадедов, и закончится в лучшем случае во времена их внуков... Раньше про таких говорили, что они в седле рождены и с конца копья вскормлены; и похоже, что тут как раз

такой случай. Явно же они наши – одни красные звезды чего стоят, да и поддерживают они нас всерьез, а не как попало. Но какие-то они не совсем наши – есть в их действиях, что-то такое, что заставляет сомневаться. Пришли к нам, наверное, с какой-то ужасной войны, по сравнению с которой наша война это как детская возня в песочнице, и хочется верить, что решили восстановить справедливость (как они ее понимают). Но вот что это была за война, где, когда и с кем они ее вели – мне даже и в голову не приходит.

Ну ладно, поживем-увидим. Генерал Акимов завтра на рассвете назначил штурм Даугавпилса, и я думаю, что с поддержкой защитников у нас есть неплохой шанс скинуть немцев в Двину и освободить город. И зря Степан Дмитриевич называет их «белыми». Красные они, и никак иначе, потому что на их крыльях красные звезды и сражаются они тоже на нашей стороне...

27 июня 1941 года, около 14-00 по Берлину. ГА Север, Грива (западный заречный пригород Даугавпилса), КП 56-го моторизованного корпуса вермахта.

Командующий 56-м мотокорпусом генерал-полковник Эрих фон Манштейн.

Это была настоящая катастрофа. Еще вчера утром разведбатальон 8-й панцердивизии застал врасплох стоявшую в Динабурге (Даугавпилс (нем.)) тыловую часть большевиков и сумел в целости и сохранности захватить мосты и прорваться на другую сторону реки; теперь же панцердивизия несла на плацдарме тяжелые и неоправданные потери. Сначала все было просто. Соппротивление застигнутых врасплох большевиков было слабым и разрозненным, а их разбитые части, отступавшие на восток, через Динабург, не имели никакого тяжелого вооружения и могли противопоставить германским панцерам, а также пушкам, пулеметам и минометам, только русские винтовки со штыками и ярость большевистских фанатиков. В первый день потери были умеренными. В конце дня по команде доложили, что части 8-й панцердивизии потеряли двадцать человек убитыми и около трех сотен ранеными, уничтожив в бою несколько тысяч большевиков, вынужденных драться чуть ли не голыми руками. При этом немалый вклад в уничтожение большевиков внесло люфтваффе, чьи самолеты буквально с утра до вечера висели над местом побоища, бомбя и обстреливая вражеские подразделения, штурмующие наши позиции.

А сегодняшним утром все вдруг изменилось, словно капризная фортуна вдруг отвернула от Германии свой светлый лик. Над полем боя объявились русские самолеты неизвестной конструкции, которым солдаты тут же дали меткое прозвище «белые демоны». На то, чтобы очистить небо от всяких признаков присутствия люфтваффе, в том числе и от прославленных (а на самом деле хвастливых) «экспертов» * из 54-й истребительной авиаэскадры майора Траутлофта, «демонам» потребовалось не более четверти часа. Необычайно скоростные и маневренные для своих огромных размеров, «демоны», не обращая внимания на суетящихся и мельтешащих «экспертов», первым делом безжалостно истребили тяжелые и неповоротливые «юнкерсы».

Примечание авторов: * эксперт (жаргонное) – летчик-истребитель люфтваффе.

Это была просто какая-то «война миров», как у Уэллса... Свирепые и беспощадные марсиане со всей своей совершенной мощью и против них – жалкие людишки с их судорожными попытками нанести врагу хоть какой-то ущерб. Сходство усиливалось тем, что вместо обычных пушек «демоны» использовали просто адское оружие – какую-то разновидность тепловых лучей, которые с легкостью разрезали германские самолеты, как будто они были сделаны из бумаги, а не из дюрала. Несчастный авианаводчик, который должен был указывать цели для бомбометания, находился поблизости от генерала, и Манштейн своими ушами слышал леденящие душу вопли, проклятия в адрес фюрера и богохульства сгорающих заживо героев люфтваффе.

Как только последний «юнкерс», пылая, воткнулся в землю, «демоны» взялись за суетливых «фридрихов», на которых прежде не обращали внимания, и покончили с ними с той же безжалостной эффективностью, наглядно опровергая поговорку, что орел мух не ловит. Прочь штампы – оказалось, что ловит, да еще как. Как только закончились эксперты, пара «демонов» никуда не удалилась, а принялась, подобно грозным коршунам, нарезать круги над злосчастным Динабургом, будто осматривая лежащую внизу местность*. Результат этих действий не заставил себя ждать. «Демоны» один за другим стали сбрасывать на Даугавпилс небольшие по размерам, но чрезвычайно мощные по взрывной силе планирующие боеприпасы, которые каким-то образом с невероятной точностью сами находили цели для поражения – воистину казалось, что эти чудовищные снаряды обладают разумом. Обычно их целями становились танки, бронетранспортеры, грузовики, артиллерийские тягачи или орудия.

Примечание авторов: * Генералу Манштейну еще неизвестно, что аппаратура разведки и наведения, установленная на борту имперских космических истребителей, не только способна засечь муху на расстоянии нескольких километров (если эта муха вызывает интерес), но еще и обнаруживать различные наземные объекты, вплоть до закопанных на глубину трех десятков метров кабелей, водопроводных труб и разного рода подземных туннелей и бункеров.

8-я танк-дивизия в результате прямых попаданий адских снарядов потеряла уничтоженными более четырех десятков танков и еще примерно столько же получила повреждения от близких разрывов и требовали длительного ремонта. Также имелись потери и в автотранспорте, артиллерии и живой силе. В результате этого ударная мощь этой танк-дивизии уменьшилась как минимум вдвое. Теперь она (а вместе с ней и весь 56-й моторный корпус) уже не представляла той сокрушающей мощи, которая позволила Эриху фон Манштейну всего за четверо суток с боями пройти триста двадцать километров по вражеской территории, с легкостью грома и сминая все встреченные части большевиков. При этом надо понимать, что «демоны» отнюдь не закончили свою проклятую работу. Одна пара их барражирует на высоте – видимо, высматривая, не подходят ли очередные бомбардировщики люфтваффе; а вторая относительно низко кружит над городом – вероятно, высматривая себе новые жертвы. Господи, спаси нас и помилуй! Вон, один из «демонов» снова идет в атаку – а значит, что он уже выбрал себе очередные цели.

Тогда же. Околоземная орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

Операция «Удар по рукам» была в самом разгаре. Ватила Бе разгадала основную фишку успеха дейчей, совершавших быстрые операции своими подвижными соединениями, и приняла решение, что будет совсем не вредно один раз, но очень сильно, ударить по тонким, вытянутым вперед пальцам вражеских танковых дивизий. Единовременно понесенные тяжелые потери вызовут эффект шока – тем самым можно будет сковать маневренность противника, который в опасении повторения ковровых ударов перестанет передвигаться крупными компактными массами и в результате этого лишит себя главной пробивной мощи.

Кроме танковой дивизии, возглавившей ударное соединение войск страны Германия под Барановичами, утром 27-го июня к сожжению дотла были приговорены еще несколько вырвавшихся вперед танковых дивизий, продвигающихся в компактных колоннах, в том числе и та, что сегодня утром обошла Минск с севера – космический бомбардировщик втоптал ее ковровым ударом в шоссе Минск-Москва. Другие ударные соединения врага, втянутые в бои с войсками страны Эс-Эс-Эс-Эр, прореживались более консервативным способом – при помощи истребителей, которые тоже могли быть носителями такого типа снарядов. И если в отсеки бомбардировщика вполне возможно загрузить до тысячи единиц боеприпасов такого типа, то истребитель брал на борт всего тридцать шесть штук. К тому же Ватила Бе помнила, что в бомбовых погребах «Полярного Лиса» хранится только двадцать тысяч подобных боеприпасов, причем десять тысяч из них отведены на начальный этап кампании, в конце которого шокированные внезапными ударами войска страны Германия остановятся и, обливаясь кровью, начнут потихоньку отползать обратно, а войска страны Эс-Эс-Эс-Эр оправятся от поражений в приграничном сражении и будут готовы самостоятельно громить вторгшегося врага.

Но сейчас Ватилу волновало не это. Один за другим она детально просматривала те участки сражения, на которых передовые заслоны войск страны Эс-Эс-Эс-Эр сражаются с ударными группировками страны Германия при поддержке имперских космических истребителей. В отличие от однократно наносимых ковровых бомбовых ударов такие действия по мере развития ситуации и поступления новых разведанных от спутниковой группировки требовали регулярной корректировки задач истребительных групп и изменения приоритетов целеуказания для самонаводящихся боеприпасов. На этот раз внимание Ватилы Бе привлек один из участков фронта, где войска страны Германия захватили плацдарм на противоположном берегу реки Западная Двина, а войска страны Эс-Эс-Эс-Эр мужественно пытались запихать их на противоположный берег и установить стабильный фронт по руслу реки. Действия войск страны Эс-Эс-Эс-Эр на том участке фронта с воздуха поддерживали четыре имперских космических истребителя. Так вот, установленные на этих истребителях бортовые психосканеры, входящие в комплекс разведывательного оборудования, засекли и идентифицировали в том районе присутствие сразу двух значимых тактиков с обеих сторон.

Тактика страны Эс-Эс-Эс-Эр по имени Дмитрий Лелюшенко Ватила трогать не собиралась, поскольку разговор с ним должен был пройти чуть позже, в более спокойной обстановке, как с другом и союзником. Зато тактика страны Германия, дейча по имени Эрих Манштейн, требовалось изъять для допроса как

можно скорее – вызванная этим изъятием одного из сильнейших тактиков дейчей дезорганизация войск страны Германия неплохо поможет войскам страны Эс-Эс-Эс-Эр в уничтожении вражеского плацдарма и будет иметь далеко идущие последствия в дальнейшем ходе войны. В отличии от многих других означенный Эрих Манштейн действительно хороший тактик, не то что иные некоторые, и его потеря тяжело скажется на воле страны Германия к сопротивлению.

Недолго думая, Ватила связалась с командиром штурмового батальона майором Ивановой Эри и отдала соответствующие указания. Скоротечная операция по захвату вражеского тактика пройдет по схеме «хватай и беги», тем более что его гнездо оборудовано на некотором отдалении от основной массы войск дейчей, и в придачу ко всему их разделяла достаточно широкая река со всего лишь двумя мостами. Если все проделать быстро, то помощь этому Манштейну просто не успеет прийти. Выслушав Ватилу, Ивана Эри кивнула и сказала, что сделает все в лучшем виде, тем более что ее девочки давно хотели посмотреть, какого цвета кровь у дейчей, имевших наглость объявить их, русских*, недочеловеками.

Примечание авторов: * хуман-горхские метиски отнимаются у матерей в самом раннем возрасте и воспитываются в специализированных имперских кадетских корпусах, в силу чего (вне зависимости от того, кто был их генетическим отцом) полностью отождествляют себя с русской нацией.

На это Ватила ответила, что главного фигуранта необходимо поймать в максимально неповрежденном состоянии, а всех остальных она отдает на забавы Девам Войны. Но только чтобы девочки Иваны дрянь в дом не тащили и покончили с дейчами достаточно быстро – никто из подчиненных Манштейна не должен успеть очухаться и прислать своему начальнику подкрепление.

27 июня 1941 года, около 16-30 по Берлину. ГА Север, Грива (западный заречный пригород Даугавпилса-Динабурга), КП 56-го моторизованного корпуса вермахта.

Командующий 56-м моторкорпусом генерал-полковник Эрих фон Манштейн.

Страшный для 56-го моторкорпуса во всех смыслах день и не думал кончаться. «Белые демоны» неистовствовали. Атака следовала за атакой, и после каждой

из них корпус лишался нескольких танков, бронетранспортеров, автомашин или артиллерийских орудий. В последнее время «демоны» во время атак наземных целей вместо обычных планирующих снарядов все чаще (видимо, из соображений экономии) стали использовать «лучи смерти». Как выяснилось, они годились не только против «героев» люфтваффе и их алюминиевых самолетов, но и против немецкой наземной техники, сделанной из прочной и тяжелой крупновской стали.

Единичное попадание луча с легкостью прожигало насквозь броню бронетранспортеров, «единичек», «двоек» и дурацких чешских Panzerkampfwagen 38(t), а автомашины с мотоциклами вспыхивали от одного только раскаленного прикосновения. И только толстошкурые «четверки» требовали два, а то и три попадания в одно место. Но скользнувший под острым углом к броне «луч смерти» мог творить поистине адские шутки – например, приварить маску пушки к башне, или башню к корпусу, заварить люки или намертво прихватить катки. Любое такое, вроде бы курьезное, повреждение в любом случае приводило к тому, что панцер выходил из строя с необходимостью текущего ремонта, как минимум, в дивизионных мастерских. При этом солдаты, попавшие под такой луч, уже не подлежали никакому «ремонту», и в большинстве случаев нуждались только в услугах похоронной команды. Голова здесь, а ноги потерялись. Или наоборот.

Эрих фон Манштейн рассматривал в бинокль противоположный берег и думал, что к настоящему моменту положение на Динабургском плацдарме, со всех сторон плотно осажденном большевистскими войсками, с каждым часом ухудшается. Дивизии 56-го моторизованного корпуса непрерывно несут невосполнимые потери в технике, живой силе и огневой мощи, а в это время к противнику из глубины их необъятной страны так же непрерывно подходят подкрепления. В том числе, согласно данным разведки, в полдень в окрестности города вышел свежий, только что из резерва, большевистский моторкорпус. При этом надо понимать, что, имея такие силы и поддержку «демонов», русские не будут сидеть сложа руки, а в самое ближайшее время предпримут попытку отбить Динабург и ликвидировать основной плацдарм его корпуса на правом берегу Западной Двины – так же, как они уже ликвидировали несколько малых плацдармов выше и ниже города, занятых одной пехотой, без панцеров.

Сейчас русские подразделения в полной готовности просто стоят и ждут, когда их адские союзники, стервятниками кружащие над городом, до конца выполнят свою дьявольскую работу. Да и куда им спешить? Если дело пойдет так и

дальше, то его корпус понесет такие большие потери, что исхода дела не решит даже обещанная уже передача в его состав моторизованной дивизии СС «Мертвая голова», которая сейчас как раз выдвигается из резерва в направлении Динабурга. И вообще, если «демоны» не исчезнут так же внезапно, как и появились, то перспективы кампании на Востоке становятся весьма смутными и одновременно весьма печальными.

Над головой Манштейна раздался громкий хлопок. Он, опустив бинокль, поднял взгляд к небу – и остолбенел. Прямо из зенита, где курчавились белые, только что образовавшиеся облачка, похожие на недавние разрывы шрапнели, на него рушились несколько точек, по мере снижения стремительно увеличивающихся в размерах. Казалось, они падают прямо на командный пункт его корпуса. И эту угрозу, похоже, заметил не он один – поблизости раздались панические крики, призывающие спасти командующего и немедленно спастись самим. Эрих фон Манштейн гордо выпрямился. Он никогда не бегал от опасности – ни в прошлую Великую Войну, когда два раза был тяжело ранен на Восточном фронте, ни сейчас, во время Польской, Французской, или нынешней Восточной кампании. Но, впрочем, предпринимать что-то по этому поводу было уже поздно – стремительно увеличивающиеся (и при этом тормозящие) объекты оказались еще одной парой «белых демонов», одним короткокрылым аппаратом в два-три раза крупнее «демонов», и тремя десятками растопыривших ноги фигур, похожих на суперплечистых гротескных силачей, обмундированных в какое-то подобие средневековых рыцарских лат.

Тут надо еще сказать, что у Манштейна имелся один бзик. Он повсюду (также и по фронтам) таскал с собой маленькую брехливую собачонку, размером как помесь крысы с пуделем. Так вот – как раз эта карманная зверушка единственная и уцелеет в последующих событиях. Получив пинок бронированным ботинком, в который она попыталась вцепиться, собачка с отчаянным воем описала пологую баллистическую кривую и скрылась в кустах. Гол!

Всем остальным на командном пункте повезло гораздо меньше. Они все умерли – и не разобрать, кто раньше, а кто позже; разумеется, за исключением Манштейна, скрученного и засунутого в силовую колыбель, чтобы не брыкался. Когда штурмовая пехота работает на захват, обычно заботятся только о главном персонаже, а всех остальных, чтобы не доставляли хлопот, сразу пускают в расход. К тому же Девы Войны сегодня находились в несколько взвинченном состоянии. Основополагающую для Третьего Рейха нацистскую теорию о высших

и низших расах они расценили как личное оскорбление, поэтому когда через несколько минут штурмовой шаттл с бойцами и захваченным в плен Манштейном стартовал обратно на орбиту, малоаппетитное зрелище на месте бывшего командного пункта 56-го моторизованного корпуса нельзя было показывать ни беременным женщинам, ни детям. Майор Ивана Эри сказала своим девочкам, чтобы не затягивали операцию – вот они и сделали все на скорую руку. Ну а как иначе уложить захват и отход в двести восемьдесят пять секунд?

Полчаса-час спустя. Околосредняя орбита, высота 400 км, разведывательно-ударный крейсер «Полярный Лис».

Манштейна вели по коридору. Он механически переставлял ноги, мало что соображая при этом. Последнее воспоминанием из «той жизни» – в последнем отчаянном порыве он дрожащей рукой пытается вытащить из кобуры табельный пистолет, чтобы хотя бы застрелиться, лишь бы не попадать живым в руки гигантов, с ног до головы закованных в несокрушимую броню... Потом – беспросветный мрак и отвратительное ощущение беспомощности; казалось, он сдавлен и скручен со всех сторон так, что может только дышать, но даже пальцем пошевелить не в состоянии.

Сколько длилось это состояние, Манштейн определить затруднялся; ему казалось, что несколько часов, настолько неуютно он себя чувствовал. Но в конце концов это закончилось – его вытряхнули из сковывающего кокона как котенка, поставили на ноги и отряхнули. И лишь тогда он смог разглядеть тех, кто захватил его в плен. Шок, трепет, желание проморгаться – вот что испытал Манштейн, узрев облик своих пленителей. И было от чего впасть в замешательство – все они оказались... особами женского пола. Да-да, сомнений быть не могло. Разинув в изумлении рот и выпучив глаза, немецкий генерал пялился на широкоплечие, коренастые фигуры стоявших вокруг него невиданных женщин, чьи длинные руки в бицепсе по обхвату равнялись среднему мужскому бедру и бугрились нагромождением тугих мышц. Плечи этих удивительных воительниц были так раскачаны, что шея из них росла не прямо вверх, а немного вперед, из-за чего казалось, будто они внимательно вглядываются во что-то – и это тоже было так странно и необычно, что Манштейн погружался в замешательство все глубже. Конечно, логичнее всего было бы предположить, что все это происходит с ним в причудливом кошмаре, да вот только сон это никак не кончался, как ни щипал себя украдкой немецкий

генерал. И потому ему все же пришлось смириться с мыслью, что происходящее – это реальность, страшная и непонятная, безнадёжная и ужасающая. И Манштейну ничего больше не оставалось, кроме как молча разглядывать своих пленительниц. Да, думал он, неудивительно, что эти великанши могли без особого напряжения голыми руками рвать немецких солдат и офицеров на части. Генерал, несмотря на свое весьма непростое положение, тем не менее не мог не отметить некоторые особо выдающиеся их достоинства. С жадным и благоговейным любопытством он смотрел на огромные арбузообразные груди, туго обтянутые тонкими футболками светло-зеленого цвета. Он так увлекся процессом созерцания, что даже перестал вникать в то, что вообще вокруг происходит. Потому он даже подпрыгнул, когда получил энергичный толчок в спину, за которым последовал грубый окрик:

– Иди вперед, дейч, тебя ждут. И надеюсь, что после того, как с тобой покончит наш главный тактик, тебя отдадут нам. И вот тогда мы вдосталь поиграем. Не так ли, мои милые девочки?!

Разумеется, Манштейн не понял из этой тирады ни слова, но он прекрасно узнал язык, на котором говорила конвоирша – не зря же в ту прошлую Великую войну, он полтора года отвоевал на Восточном фронте, где, помимо прочего, ему приходилось иметь дело с русскими пленными. Понимание того, что «демоны» – это тоже русские, ввело немецкого генерала в новое состояние шока, и теперь он не выходил из него вплоть до того момента, когда его привели в небольшую комнату для допросов. Там, в этой комнате, прямо посередине, стояло сооружение, чертовски напоминающее электрический стул, на котором в Америке обычно казнят преступников. Манштейн, узрев сей предмет интерьера, обомлел от ужаса. Затем его стало трясти, а его горло принялось исторгать дикие крики. Однако это никого не впечатлило. Невзирая на сопротивление и вопли, с него вместе с нижним бельем содрали и генеральский мундир, после чего, голого как Адама, бледного и подвывающего от смертной тоски, силой усадили на стул. Манштейн изо всех сил извивался в железных руках русских великанш, и даже пытался плевать и кусаться, но добился только того, что в рот ему вставили надежный кляп, который позволял ему дышать, но не больше того. На руки, ноги, пояс, грудь и шею немецкого генерала легли мягкие, но очень тугие захваты, надёжно зафиксировав его тушку, такую жалкую в голом виде – с дряблым животиком и белесой порослью на груди.

Закончив свое дело, великанши вышли, оставив прикованного к креслу бывшего командующего 56-м моторизованным корпусом наедине с собственными

мыслями. Неужели его поймали с такой свирепой эффективностью только для того, чтобы так безжалостно казнить на электрическом стуле, даже не задав ни одного вопроса? Он, конечно, не сказал бы этим чудовищно мускулистым отродьям ада ни слова, но допрос позволил бы ему хотя бы потянуть время... Манштейн обреченно подумал, что в любой момент на электроды может быть подано напряжение и тогда в ужасных муках в течение нескольких секунд он прекратит свое существование. И это случится только потому, что «демонам», а точнее, «демоницам» вздумалось помочь своей никчемной слабосильной родне, которой самой судьбой было предназначено стать удобрением для расы господ...

И как раз в ту секунду, когда Манштейн задавался такими мыслями, пытаюсь смириться со своей судьбой, в комнату вошли две очень высокие, выше двух метров, молодые женщины. Та, что шла первой, имела очень странный оттенок кожи – темно-серый, с каким-то металлическим отливом. Выражение ее ярко-синих глаз говорило о том, что ей наверняка больше лет, чем кажется. Собранные в узел длинные рыжие волосы придавали ей строгости, но одновременно и изящества, и несколько тонких прядей, вьющихся у висков, подчеркивали ее женственность. И ушки... Они слегка заострились к кончикам, придавая обладательнице некоторое сходство с кошкой. Обмундирование этой женщины представляло собой обтягивающий и ничего не скрывающий, костюм черно-синего цвета – вроде спортивного, но с погонями, планками, нашивкой с именем над оттопыренным грудью нагрудным карманом. Имелись и прочие аксессуары военной формы. Причем, несмотря на непривычный вид (обтягивающие рукава до предплечий и штанины до середины бедер), форма эта была элегантной, ничуть не походившей на нарочито мешковатую и неаккуратную форму большевиков. Стройные и длинные ножки были обуты в элегантные плетеные босоножки, на манер греческих. Во всем облике этой удивительной представительницы женского рода просто сквозил ненавязчивый шик, даже несмотря на форму. И вдобавок ко всему – о Боже! (Манштейн, на мгновение прекратив мычать и ворочаться, несколько раз моргнул, пытаюсь прогнать наваждение) – эта особа имела длинный и тонкий хвост – да-да, самый настоящий хвост, с небольшой ярко-рыжей кисточкой на конце, которым она элегантно помахивала при ходьбе.

Вторая же особа женского пола, следовавшая за первой, выглядела более привычно, почти по-арийски. Она имела светлую, почти белую, кожу с чуть желтоватым оттенком, вполне обычные серые глаза, светлые волосы (тоже собранные на макушке в пучок) и не имела хвоста (по крайней мере, ничего похожего Манштейн не заметил). От обычных женщин ее отличала разве что

чрезмерная худоба да чрезвычайно высокий рост. Еще на лице светлой бросался в глаза выразительный тонкий нос с горбинкой, подчеркивающий узкую форму лица. Одета светлая была в такое же обтягивающее трико, как и у темной, но белого цвета, без погон, только с какими-то нашивками. При этом было видно, что главной здесь является все же не светлая, а темная, а эта ей только ассистирует.

Каким-то чутьем Манштейн догадался, что на самом деле они обе гораздо старше, чем выглядят, явно состоят в немаленьких чинах и являются весьма опасными противниками как на поле сражения, так и в светской беседе. Хотя какие уж тут светские беседы, когда ты сидишь голый и привязанный к креслу и вот-вот умрешь, а стоящая впереди темная с усмешкой смотрит на тебя синими глазами с высоты своего роста, изящно помахивая при этом хвостом. Из каких глубин ада русские извлекли это чудовище, чтобы натравить его на немецкую нацию, Манштейн не знал, но догадывался, что с сегодняшнего дня все хорошее для Третьего рейха закончилось и начался Страшный суд, на котором он за все свои деяния будет осужден и низвергнут туда, где только мрак и зубовой скрежет.

– Итак, геноссе Ватила, – немного ерничая, сказала светлая на немного архаичном, но вполне понятном немецком языке, – перед нами знаменитый тактик дейчей Эрих фон Манштейн, не так ли? – ее серые глаза с желтоватыми вкраплениями, когда она глянула на немца, казалось, пригвоздили того к спинке стула – от них исходила какая-то гипнотическая сила. Когда она отвела взгляд, Манштейн по-прежнему продолжал чувствовать себя так, словно вдобавок к зажимам его еще и приклеили к смертельному оружию.

– Да, это так, геноссе Малинче, – на том же языке ответила темная, сморщив нос, – но я вижу, что стоило содрать с этого знаменитого тактика мундир, как он тут же превратился в обыкновенную вонючую обезьяну. Если мундиры содрать с нас, то мы от этого ничего не потеряем, а он смердит, как куча отходов.

– Это смердит его душа, не облагороженная благотворным влиянием Империи, а, наоборот, подпавшая под зловерное влияние идиотских идей, – возразила светлая. Впрочем, наверное, ты права. Давай поскорее закончим с этим допросом и пойдем отсюда, потому что сегодня у нас еще очень много дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylovskiy_yuliya/vizit-polyarnogo-lisa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)